

A man with short brown hair, wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt, sits in a red leather armchair. He holds a glass of amber liquid. A woman with long blonde hair, wearing a dark dress, sits on the floor next to him, looking at him. The background is a warm, dimly lit room with a chandelier and other lights. In the foreground, a large glass bowl filled with water, red berries, and orange slices sits on a surface.

ЕКАТЕРИНА
РИЗ

НАСТРОЕНИЕ:
со льдом!

Екатерина Риз

Настроение: со льдом!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45569744

ISBN 9785005052735

Аннотация

В каждой семье есть секреты, которые не принято обсуждать. А что делать, если близкие люди предпочли отмахнуться от твоей обиды и жить дальше счастливо, позабыв о твоих чувствах? Тамара Яворская, оказавшись заложницей ситуации в собственной семье, пытается двигаться дальше, не оборачиваясь на прошлые обиды. А человек, который внезапно появляется в её жизни и делает попытку помочь ей начать новую жизнь, сам оказывается запутавшимся в отношениях со своими близкими. Так кто кому в итоге поможет?

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	33
ГЛАВА 3	67
ГЛАВА 4	97
ГЛАВА 5	130
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Настроение: со льдом!

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2019

ISBN 978-5-0050-5273-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

У меня идеальная семья.

Я каждый раз думала об этом, оказываясь в родительском доме или в доме младшей сестры. Вот и в этот раз, сидела за столом на кухне родителей, пила ароматный чай из фарфоровой чашки с цветочным рисунком, передо мной тарелочка с куском торта, который собственноручно испекла моя любимая сестрёнка, а торт четырёхслойный, с кремом и засахаренными фруктами, всё, как я люблю. Весь стол заставлен всякими вкусностями и лакомствами, причём, магазинного и покупного в этом доме не терпели. Все умелые хозяйки. Кроме меня. Мама и сестра обожали готовить и ухаживать за любимыми мужчинами, детьми и внуками. Их жизнь – это семья. И наоборот. Семья – это их жизнь.

Я пила чай, ела торт и слушала маму. Она выглядела довольной и суетливой одновременно. Но я знала, что она обожает, когда все собираются в их с отцом доме, на кухне, одной большой семьёй, и все хлопоты ей в радость. Вокруг бегали внуки, Данька и Асель (до сих пор удивляюсь, как сестренка умудрилась дать дочери такое имя, но она, вот уже девять лет, от него в восторге). Моя сестра была младше меня на пять лет, а уже имела двоих детей, мужа-молодца, и считалась идеальной хозяйкой. Ольга, или, как в семье её ласково называли, Ляля, для поддержания этого звания стара-

лась из всех сил. Я частенько задумывалась о её жизни, пыталась поставить себя на её место, хотелось понять, была бы я счастлива на этом самом месте, и никогда не находила для себя чёткого ответа. А вот Лялька счастлива.

– Асель, аккуратнее, – улыбнулась она, когда дочка едва не сбила вазу с комода, пробегая мимо. Они с Даней играли в догонялки, и как взрослые не выпроваживали их на улицу, отказывались уходить. Подслушивать взрослые разговоры им казалось куда интереснее, чем бегать в саду одним. – Данечка, ты не устал?

Дети смеялись в ответ, Данька налетел на мать, обнял ту за ноги, и Ляля наклонилась к нему, чтобы поцеловать.

Я наблюдала. Вроде бы украдкой, по крайней мере, старалась делать это украдкой, но понимала, что не могу оторвать глаз. Сердце тяжело прыгало в груди, а нужно было пить чай и нахваливать торт. Торт, на самом деле, удался. Хотя, у Ляли по-другому не бывает. Наверное, если бы у неё что-то вышло невкусно или подгорело, это повергло бы сестру в серьёзный ступор. Нет, она по-прежнему бы улыбалась, но неудача бы её не на шутку удивила.

В окно кухни с улицы заглянул Виталик, Лялин муж. Посмотрел на жену, на резвящихся детей, и тоже улыбнулся.

– Ляля, воду в бассейн наливать?

– Конечно. Дети хотят купаться. Сегодня жарко.

Мама закрыла дверцу духовки, в которой запекалось мясо на ужин, и поймала внука, взяла того за руку.

– Данечка, пойдём, переоденемся. И пойдём все на улицу, папа вам с Асель водичку в бассейн налил. Ты же хочешь поплескаться?

Данька закивал и ухватил бабушку за руку, отправился за ней. Ляля же кинула на меня извиняющийся взгляд, забрала дочь и тоже вышла с кухни. Я осталась одна и, наконец, смогла выдохнуть. Просто расслабиться, убрать с лица приклеенную счастливую улыбку и выдохнуть. Обводила взглядом кухню.

Со времён моего детства на этой кухне почти ничего не изменилось. Та же мебель, та же люстра с большим абажуром, дощатые полы. Фарфоровый бабушкин сервиз, который очень любили и оттого берегли, как зеницу ока. Ещё в детстве мы с Лялькой случайно раскололи молочник, когда играли в куклы, и мама потом долго причитала и два вечера подряд собирала его по кусочкам и склеивала, лишь бы сберечь сервиз полным комплектом. И вот он до сих пор стоит в добротном, дубовом буфете, а из одной из чашек я сейчас пью чай. Дом родителям достался от маминой мамы, она скончалась несколько лет назад, и я до сих пор не могу с этим смириться. Бабуля была тем самым человеком, той соломинкой, за которую я держалась в трудные моменты. Она была единственной, кто меня слышал и слушал, мне безумно её не хватает. Наверное, ещё поэтому мне так трудно приезжать в этот дом, понимая, что её здесь нет. Конечно, в доме теперь живут мои родители, и они практически ничего не поменя-

ли, уважая память бабули, только обои в нескольких комнатах переклеили, да полы с сантехникой заменили, где было необходимо. А общую атмосферу, которую так любила моя семья долгие годы, постарались сохранить. Но без бабушки дом стал другим. Он подстроился под новых владельцев, и теперь не только родители, но и Ляля с Виталиком наводили здесь свои порядки. А я, приезжая, сидела в сторонке, уже не зная, что и где лежит, и что мне дозволено. Если я предпринимала попытку что-то сделать или переставить, ко мне тут же бежала мама и говорила, что «здесь этому не место, будет мешать, в доме дети, мы всё сами сделаем, садись и отдыхай». А отдыхать у меня не получалось, вот как сегодня. Я приехала рано утром, с обычным дочерним визитом, в попытке проявить уважение к родителям и семье сестры, и с того самого момента, как переступила порог дома, думать могла только о том, какая же у меня идеальная семья. Замечательная, дружная, счастливая...

– Ты чего здесь сидишь? – Отец заглянул на кухню, увидел меня, и мне в первый момент показалось, что растерялся, не знал, что сказать. Потом решил поинтересоваться стимулом моего нахождения на кухне в одиночестве. А я здесь дышала, приходила в себя, назовите, как хотите.

Пришлось изобразить бодрую улыбку.

– Торт доедаю. Вкусный.

– Да, торт вкусный. Лялька молодец.

Лялька молодец. Лялька в любой ситуации молодец. Та-

кая уж у неё судьба.

– Пойдём на улицу, – позвал отец. – С детьми поиграешь. Хоть отдохнёшь от своей работы.

Спорить я не стала, знала, что не поймут моего упрямого желания остаться в одиночестве на кухне. Нужно было выйти в сад и присоединиться к всеобщему веселью, наблюдать за тем, как дети с восторгом плещутся в надувном бассейне. А родственники стоят вокруг и в умилении смеются и хлопают в ладоши. Возможно, вы решите, что я перебарщиваю, утрирую, но всё происходило именно так. Знаете, почему? Потому что у меня идеальная семья со всеми тошнотворными манерными атрибутами. Хотя, возможно, я не права, и это со мной что-то не так, раз я не понимаю и не чувствую того же, что и они.

Дети плескались, брызгались, визжали и смеялись в бассейне. Взрослые стояли рядом, как я и предполагала, а я незаметно отошла в сторону, присела на диван-качели неподалеку и принялась наблюдать. Моего отсутствия рядом никто не заметил. Все были так счастливы, я видела, как Виталик с Лялей держатся за руки, глядя на детей, как родители счастливо улыбаются, а я задыхалась от всеобщего восторга. Мне не хватало бабули. Она не стала бы сюсюкать или жалеть меня, но она всегда умела сказать то, что заставляло меня встряхнуться и жить дальше.

Ляля обернулась, поискала меня глазами. А найдя, улыбнулась и помахала рукой. Я помахала ей в ответ. Вот толь-

ко на улыбку меня не хватило. Я лишь наблюдала. Огляды-
вала ухоженный стараниями родителей сад, постриженную
лужайку, цветочки на клумбах, а также игрушки и детские
велосипеды, оставленные под кустом жасмина. Под окнами
дома большой стол, за которым приятно собираться тёплыми
вечерами всей семьёй, разговаривать, общаться, ощущая,
как душевное тепло наполняет тебя всю, без остатка. Навер-
ное, это и принято ощущать, вот только для меня такие ве-
чера в кругу семьи были большой редкостью. И, признаться,
честно, я не слишком из-за этого страдала. Не было во мне
чувства единения и всеобщей любви. Но я приезжала в дом
родителей пару раз в месяц в свой выходной, оставалась с но-
чёвкой, улыбалась и выслушивала все новости и забавные
истории про детей, всеми силами пытаюсь воспылать род-
ственными, дочерними чувствами. Не подумайте, что я ка-
кой-то душевный инвалид, и ничего не чувствую, а то и вовсе
меня накрывает человеконенавистничество и я асоциальная
личность. Нет. По крайней мере, надеюсь на это. Но то, что
мне некомфортно в атмосфере удушающей семейной любви
и идеальности их бытия, это стопроцентно. И бабуля, только
она, никогда меня за это не осуждала. А сейчас бабули нет,
и я в её доме чувствую себя чужой, хотя большую часть своей
сознательной жизни бежала сюда прятаться от проблем и на-
пастей. К ней, за советом. А теперь мне и здесь места нет.
Здесь повсюду сияющая улыбка Ляли. В каждом углу, в каж-
дой мелочи видна её рука и её приложенные старания. Всё

чисто, убрано, кругом милые вещицы, всё продумано для детей и устроено для их же удобства и безопасности. А родители только рады, у них свой выпестованный мир на две семьи. А я лишь временами приезжаю почтить их своим присутствием, чтобы не забывали о том, что я тоже их семья.

Но вот вопрос: мне это надо?

Ответ каждый раз находился один и тот же – надо. И от этого только больнее. Каждый раз, как последний мазохист, я еду сюда, чтобы посмотреть своими глазами, убедиться, что у них всё идеально. При этом чувствую себя каким-то неблагодарным отщепенцем, из-за того, что не могу разделить с ними их счастье и взгляды на жизнь. Сажу в стороне и наблюдаю.

Виталий прошёл мимо меня к дому, взглянул и легко улыбнулся. Кажется, даже подмигнул. Я проводила его взглядом.

Мой идеальный зять.

– Ты ведь останешься ночевать? – спросила меня мама, хотя я всегда оставалась. Наверное, этим вопросом она давала мне понять, что не хочет моего быстрого возвращения в город. Хотя, могла бы так и сказать, хоть раз. Что хочет, чтобы я осталась, чтобы была рядом. Но она всегда спрашивала.

– Конечно, – ответила я. Мы снова были на кухне, и я не знала, куда деться. Мама колдовала у плиты, а Лялька ловко резала овощи на салат. Все были заняты, и в моей по-

мощи не нуждались.

Ляля сунула в рот кружочек огурца и захрустела им. Оглянулась на меня, стоящую у стены и наблюдающую за ними. Улыбнулась.

— За городом здорово, правда? — Я кивнула. — Если бы здесь была приличная школа, я бы не задумываясь, переехала в деревню. Думаю, Виталик был бы не против. — Она засмеялась. — Мы бы стали деревенскими жителями.

Я не удержалась и усмехнулась.

— Не помню, чтобы Виталик горел желанием перебраться в деревню.

Ляля хлопнула на меня длинными ресницами.

— Ты что, он очень любит приезжать к папе с мамой. Правда, мам? Да и детям здесь лучше, чем в городе. Думаю, если я попрошу, он согласится.

Ну, в этом никаких сомнений не было. Если Ляля попросит Виталика о чём-то, то он, без всякого сомнения, согласится. И будет счастлив. Виталик всегда счастлив, когда Ляля его хвалит.

И странного в этом ничего нет. Моя младшая сестра была красавицей. И красота её могла затмить любой её недостаток, которых, впрочем, у неё никогда не было. Я не зря говорила про удушливую идеальность, жившую в нашем доме на постоянной основе. С того дня, как Лялька родилась, она делала счастливыми всех вокруг. Одним взмахом своих длинных ресниц и движением белокурой головки. Ляля улы-

балась, и все вокруг начинали улыбаться. Родители говорили, что Ляля несёт людям радость и счастье. И, что самое удивительное, я не раз находила подтверждение их словам. Ляля была самым светлым, самым добрым и самым любящим человеком, которого я когда-либо встречала. Она любила всех вокруг, и люди, порой неосознанно, принимались отвечать ей тем же. Светловолосую, ясноокою Лялю невозможно было обидеть или огорчить, это считалось кощунством. И Виталик, влюбившись в неё десять лет назад, не уставал твердить жене о своей любви и носить ту на руках. На их брак даже финансовые проблемы не влияли негативно. Я знала, что полтора года назад Виталик потерял работу, и это стало сильным ударом по его самолюбию и по достатку и благополучию семьи. Я понимала, насколько ему было обидно, в той компании он проработал много лет, строил карьеру и надеялся пойти ещё выше, велись разговоры о его переводе в Москву на более высокую должность. Его ждала престижная работа и предоставляемое компанией жилье, руководство готово было оградить ценного работника от всех трудностей. А потом всё в одночасье рухнуло, и с тех пор он бьётся, пытаясь устроиться по профессии. Но в нашем городе IT-специалисты такого уровня не были востребованы. То есть, необходимость в них была, но зарплаты им предлагали куда ниже, чем в филиалах московских фирм и в самой столице. Без работы Виталик, конечно же, не остался, но в зарплате значительно просел, и с тех пор им с Лялей приходится эконо-

номить, а при наличии двоих детей и их постоянных нуждах, экономить приходится практически на всём. При его прежней работе, нужды они ни в чём не испытывали, жили в просторной съёмной квартире, раз в три года Виталик позволял себе поменять автомобиль, они ездили отдыхать каждый год всей семьёй, и уж точно им не приходило в голову экономить на продуктах, садиках или образовательных программах для детей. Я ещё тогда непрозрачно намекала сестре, что, имея двоих детей, глупо жить на съёмной квартире. При зарплате Виталика они вполне могли позволить себе ипотеку, нужно было задуматься о будущем. Но Лялька никогда не вникала в вопросы содержания семьи, никогда не строила планов и уж точно не руководила мужем. Для Ляли Виталик был героем, который обеспечивал и оберегал их семью, и все вопросы всегда решал сам. От неё требовалось лишь быть идеальной женой и матерью, и делать своего мужчину счастливым. Со своей миссией Ляля справлялась на отлично, а в остальное старалась не вникать. Но мне пообещала, что поговорит с Виталиком, и, возможно, если он сочтёт целесообразным, они подумают об ипотеке. Уж не знаю, как они думали, поговаривали, что откладывают на первый взнос, но выходило у них довольно вяло. А после того, как Виталик лишился стабильной, высокооплачиваемой работы, об ипотеке думать и вовсе стало ни к чему, поначалу они тратили накопленное, а потом и вовсе съехали со съёмной квартиры в двушку наших с Лялей родителей. А те, соот-

ветственно, перебрались в дом бабушки, в котором после её смерти никто не жил, и он два года простоял пустой, его использовали как дачу в летние месяца. Но, кажется, никого это не смущало и не напрягало. Счастливые не только часов, но и житейских проблем, по всей видимости, не наблюдают. А теперь Ляля и вовсе захотела перебраться жить в деревню. Хотя, я бы на её месте давным-давно взяла ситуацию в свои руки, собрала детей и перебралась с мужем в Москву, где он смог бы найти подходящую работу довольно быстро, приложив лишь немного усилий. Самое смешное, что работу в столице Виталику предлагали, но он даже не рассматривал подобную перспективу. Им с Лялей хорошо было здесь, рядом с родителями, умиляться на плещущихся в бассейне детей и счастливо улыбаться друг другу и всем вокруг.

Наверное, я чего-то не понимаю в этой жизни.

– А у тебя как дела? – спросил отец, когда мы вечером все сидели за большим столом и ужинали. Стол снова был заставлен тарелками, наготовленными вкусными блюдами, горячим и салатами, а на большом круглом блюде были выложены румяные пирожки. Я понимала, что мама с Лялей старались не ради моего приезда, для них это привычный антураж счастливого вечера в кругу семьи. Большой круглый стол, чай из бабушкиного самовара, и желание повкуснее накормить своих любимых. Мне даже есть не хотелось. У меня пропадал аппетит каждый раз, как я оказывалась в родительском доме. А в какой-то момент от этой умирительной

розовой мишуры начинало подташнивать. И я себя за это здорово ругала. Потому что понимала, что я не злюсь, что всё это не вызывает во мне отторжения, я попросту завидую и не понимаю, почему я не такая, как они. Почему я не могу быть счастливой, вопреки всему? Смотреть на мир глазами в розовых очках и ни о чём не переживать. Ведь реальность так прекрасна, а все проблемы непременно сами решатся. Как-нибудь. Но нет, у меня всё по-другому.

– Что на работе? – заинтересовалась мама, подыгрывая отцу. Правда, на меня даже не посмотрела, была занята тем, что скармливала Дане пирожок. Улыбалась внуку и сюсюкала. А между этим задала мне до ужаса банальный вопрос, который всегда задавала. Это тоже было сродни ритуалу. Каждый раз, как я оказывалась на ужине за этим столом, папа спрашивал у меня как дела, а мама следом интересовалась, что происходит у меня на работе. А я отвечала:

– Всё хорошо.

Обычно на этом расспросы заканчивались. Родителям важно было услышать, что и у меня всё хорошо, подробности, а уж тем более, возможные проблемы, никого не интересовали.

Ляля вдруг обратила ко мне свой ясный взгляд и лучезарно улыбнулась.

– Знаешь, кого я на днях встретила?

– Кого?

– Лену Скобцеву. Помнишь, ты училась с ней в одном

классе?

– Конечно, помню.

В конце концов, Ленка Скобцева была моей одноклассницей, а Лялька была совсем мелкой, но почему-то, откуда-то знала всех моих одноклассников и как-то умудрялась с ними дружить. С некоторыми до сих пор общается, а вот я сама на встрече выпускников не появлялась последние лет десять. Вот так встречу кого-нибудь из них на улице, и, скорее всего, не узнаю.

– Так вот, она вернулась обратно в город.

– А где она была? – поинтересовалась я лишь потому, что сестра казалась увлечённой рассказом.

– Как где? В Москве! Она уехала туда лет пять назад, и вот вернулась. Говорит, дома лучше.

– Кому как, – философски заметила я и кинула быстрый взгляд на Виталика, на коленях которого сидела дочь. Он выглядел спокойным и расслабленным. Я невольно задержала на нём взгляд, затем опомнилась, себя одернула и поспешила отвернуться. Посмотрела на сестру. Та продолжала сиять. – Трудно, говорит, там. Ритм бешенный, года идут, а времени только на работу хватает.

– Конечно, – проговорила мама негромко, ни к кому конкретно не обращаясь, – ни котёнка, ни ребёнка, а лет-то уже сколько.

Я молча смотрела на маму, но она, кажется, не осознала до конца, что сказала. И в чей огород полетело её замечание.

Но кроме меня, на её слова никто не отреагировал. И я заставила себя промолчать, проглотить обидный намёк.

– Я ей тоже сказала, что надо замуж. А она только о работе говорит.

– Потому что некоторым людям, даже женщинам, приходится самим себя обеспечивать. А некоторым ещё и на детей зарабатывать с котятами, – не удержалась я от замечания. – Не все питаются радужной пылью.

Виталик на меня посмотрел, я почувствовала его внимательный взгляд, но головы не повернула. Да и отец на меняглянул, с лёгким укором. И сказал:

– Каждый сам делает свой выбор, Тома.

– У некоторых выбора нет, папа. Надо выживать.

Ляля после моих слов посмотрела на мужа, после чего протянула ему руку через стол. Виталик с любовью сжал её тонкие пальчики. А Ляля сказала:

– А я так рада, что мне повезло. У меня Виталик есть.

– У тебя есть Виталик, – проговорила я вслед за сестрой, чувствуя, что начинаю закипать. – Это здорово, Ляль. Но Даньке уже шестой год. Может, тебе тоже работу поискать?

За столом повисла тишина, на меня смотрели все. Я знала, что так будет, готова была к такой реакции, поэтому лишь пожала плечами.

– А что? Вам стало бы легче в финансовом плане. Миллионы женщин работают, никто ещё не умер.

– Тома, не говори глупости, – мягко укорила меня мама.

– А что за глупость я сказала? – удивилась я. – Произнесла слово «работа»?

Впервые за долгое время я видела растерянное выражение на Лялькином лице, она казалась всерьёз озадаченной.

– А как же дети? – спросила она. Моя младшая сестра всегда и всё воспринимала всерьёз, но обычно реагировала на позитиве, но в редкие моменты терялась и задумывалась.

Я на детей посмотрела. Асель тыкала пальцами в экран смартфона, играя, а Данька увлечённо разбирал машинку.

– Они взрослые, Ляля, – не намекнула, а прямо сказала я. – Дети выросли, а у вас проблемы с деньгами. Думаю, если бы ты устроилась на несложную работу, это было бы весьма кстати. – Я повернулась к Виталику. – Ты так не считаешь?

А тот, дурак, взял и решительно мотнул головой.

– Нет. Я не хочу, чтобы моя жена работала.

– Правда? – Конечно, я совсем скоро пожалею о сказанном, но сейчас меня было не остановить. – А жить в родительской квартире и сажать картошку на огороде, чтобы зимой было, что есть, ты, как понимаю, хочешь?

– Тамара, хватит, – довольно резко одёрнул меня отец.

Я сложила руки на груди, плечами передёрнула.

– Я просто уточнила.

– Зачем ты так? – обиделась мама.

А Ляля смотрела на меня во все глаза.

– Мне нужно найти работу? – спросила она.

Порой непосредственность и наивность моей сестры могла довести до белого каления. По крайней мере, меня.

– Не нужно тебе ничего искать, – поторопился успокоить жену Виталик. А мне достался ещё один осуждающий взгляд. – Тома шутит.

– К тому же, что за работу ты можешь найти? – подивилась мама. – Ты никогда не работала.

Да, Ляля никогда не работала. И образования, кроме школьного, у неё тоже нет. Но кто в этом виноват? Помнится, родители поддерживали любимую дочку, которая после школьной скамьи сразу собралась замуж по великой любви. И когда все её подруги поступали в институты и как-то определялись с дальнейшим будущим, Ляля с упоением нянчилась с ребёнком, готовила супчики Витале и рассказывала всем вокруг, как безмерно она счастлива. Правильно, ничего другого она не умеет. Только быть счастливой.

И меня не должно это злить, не должно. Моя младшая сестра замечательный человек. Не способный ни на подлость, ни на хитрость, ни на грубость. Камней за пазухой не держит. В отличие от меня.

Я заставила себя улыбнуться. Добавила во взгляд и интонацию немного чувства вины.

– Извините меня. Я просто волнуюсь.

– Из-за чего? – переспросила Ляля, глядя на меня огромными глазами, её взгляд был серьёзным и заинтересован-

ным, что было большой редкостью.

– Из-за вас, – всё же попыталась я донести свою мысль. Оглядела заставленный снедью стол. – Думаю, в сложившейся ситуации – это всё лишние траты. Я понимаю, что это всё замечательно – шашлыки, тортики, салатiki, но вы, – я посмотрела на родителей, – уверены, что это вам по карману?

Я видела, видела по глазам отца, что он прекрасно понимает, о чём я говорю, но он бы никогда не сознался. Поэтому лишь цыкнул на меня в очередной раз, а затем сказал:

– У нас всё хорошо.

Я кивнула, смиряясь с ситуацией. Что ж, я рада, если всё хорошо. Ради призрачной картины счастливой семейной жизни эти люди готовы притворяться и идти на всевозможные жертвы. Вот только почему-то идут они все не в том направлении. Вместо того, чтобы проблемы решать, они их старательно множат.

– Зачем ты напугала Лялю?

Виталик подошёл ко мне вечером, когда все уже разошлись по комнатам, а я осталась одна на веранде. Сидела в кресле и смотрела на звездное небо. В городе такого неба не увидишь, таким воздухом не подышишь, и я пользовалась возможностью. Да и спать не хотелось, если честно. Мне в этом доме не спалось. Обычно я лежала в темноте и прислушивалась ко всем звукам. В доме было тихо, а я лежала и продолжала прислушиваться, чувствуя себя сумасшедшей родственницей в замке.

– Чем я её напугала? – переспросила я, не повернув головы и не взглянув на него. – Словом «работа»?

Виталик сделал ещё пару шагов и остановился где-то недалеко от меня. А у меня сердце заколотилось неровно и стало больно в висках от напряжения.

– Ты же знаешь, что Ляля не сможет работать. На какой работе ты можешь её представить?

– Если приспичит, то на любой. Так бывает, понимаешь? В жизни случается всякое, и меня пугает, что моя двадцатисемилетняя сестра не в состоянии заработать себе и детям на кусок хлеба. Это ненормально, Вить.

– Но это же Ляля, – проговорил он таким тоном, будто это всё объясняло.

Я кивнула, признавая.

– Да, это Ляля.

Мы помолчали, мне, если честно, говорить, вообще, не хотелось. Так бы сидела и сидела в тишине, чувствуя, что он стоит за моей спиной. От этого было тепло и спокойно. А пока Виталик молчал, то не говорил о Ляле. Такой светлой, такой замечательной, которую он беззаветно любит.

– Как ты живёшь? – спросил он.

Я пожала плечами, до боли в глазах вглядываясь в тёмное небо.

– Наверное, хорошо. У меня работа, ипотека, машина в кредит. Мечта съездить во Флоренцию осенью и купить себе платье от «кутюр». Знаешь, такое, чтобы надела – и все

упали.

Он негромко рассмеялся.

– Думаю, и без этого платья ты в состоянии всех сразить.

– Может быть, – не стала я спорить. – Правда, я не такая красавица, как Ляля.

– Ты просто другая. Но красавица.

Я помолчала, собираясь с силами, после чего коротко поблагодарила его за комплимент.

– Спасибо.

Вышло формально и дежурно, как на работе.

Мы еще помолчали, после чего Виталик собрался уходить. Наверное, его тяготило молчание, или моё общество, не знаю. Он что-то промямлил про детей, про Лялю, пожелал мне спокойной ночи, а я уже в спину ему сказала:

– Ты ведь хотел в Москву. Ты так мечтал о карьере, а теперь собрался перебраться в деревню?

Он обернулся, помедлил с ответом, после чего пожал плечами.

– Приоритеты меняются с возрастом, Том.

Я всё-таки развернулась, посмотрела на него. Я никак не понимала, а понять хотелось.

– А в чём ты их поменял? Тебе не нужна работа, достойный заработок?

– Нужны, – сказал он. – Но семья мне нужна больше. Я сейчас провожу с Лялей и детьми куда больше времени, чем раньше. Мне это нравится. А что будет, если мы переедем

в Москву? Ты сама понимаешь. Я буду видеть детей только, когда они спят. А Ляля будет одна в чужом городе. Разве я могу так с ней поступить?

Я не ответила. Мне нечего было ему сказать, я, на самом деле, не понимала. Не понимала, как перспективный, амбициозный молодой специалист, закончивший один из лучших вузов страны, так запросто сдаётся и забывает о своих мечтах и планах. Только потому, что его жена хочет жить в деревне поближе к родителям, нюхать цветы по утрам и растить детей в блаженном неведении о трудностях и перипетиях реальной жизни.

Я отвернулась. Снова стала смотреть на небо, слышала, как хлопнула дверь на кухню. Виталик ушёл. А я позволила себе закрыть глаза и сжать кулаки. Выть и реветь в голос, как хотелось, было нельзя. Вспомнила весь сегодняшний день, все счастливые улыбки, счастье в глазах родных, их разговоры и смех между собой. И себя где-то на заднем плане, наблюдающей за ними. Сколько себя помню, я в этой семье всегда была именно на заднем плане. Всегда лишь наблюдатель. Пока росла, я никак не могла понять, что делаю не так, почему не понимаю их бесконечной радости, наслаждения друг другом, не понимала, почему я другая. Искренне считала себя уродом. И только бабушка меня понимала, и просила не думать о счастье. Она просила меня думать о себе.

Посидев ещё немного в тишине и сгущающейся темноте, послушав сверчков и шум листвы, я решила отправляться

спать. Сидеть в одиночестве вдруг стало особенно тоскливо. Но по дороге в спальню, я остановилась у большого зеркала в коридоре, и стала смотреть на себя. Виталик сказал, что я тоже красавица, просто другая, не такая, как Ляля. У меня нет её ангельской внешности, от моего облика не исходит бесконечная нежность, меня не тянет без конца улыбаться, а в глазах не лучится любовь ко всему живому. Искорки тепла и добра мне точно не достаёт. И волосы мои в своём естественном цвете не столь светлы и притягательны, глаза не голубые, а каре-зеленые, а губы полнее, чем у сестры, что тут же убивает все домыслы о невинности на корню. Тёмные брови, высокие, чётко выделенные скулы и полные губы не дают мне казаться ангелом и не придают моему облику даже оттенка наивности. Улыбаться бесконечно меня тоже никогда не тянуло, и людей я, по большому счёту, не жалую, потому что знаю, что доверять можно лишь считанным единицам. Волосы я подкрашиваю, чтобы казаться натуральной блондинкой, а не русой простушкой с тусклым цветом волос. За кожей ухаживаю, тратя на этот уход у профессионалов баснословные деньги, за фигурой тщательно слежу, порой изнывая и умирая в спортзале. И не представляю, что со мной будет без всех прилагаемых титанических усилий лет через пять или после родов. И да, я выгляжу очень хорошо, больше двадцати пяти лет мне никто не даёт, и я собой горжусь. Всегда горжусь, если нахожусь вдалеке от сестры и не вижу её. Не думаю о том, что она умудрилась сохра-

нить тонкую, звонкую фигурку после двух родов, что никогда не красится, не ходит по косметологам, при этом имея атласную кожу без малейшего изъяна, и знать не знает, что это за зверь – личный тренер. Выглядит Ляля на восемнадцать и всегда чувствует себя счастливой. Наверное, внутренний свет и безграничная доброта помогают ей сиять. А мне на её фоне наживать комплексы.

Я машинально заправила волосы за уши, вскинула голову, окинула себя последним взглядом, героически сдержав недовольный вздох, и от зеркала отошла. Стоять перед ним, раздумывая о том, что во мне не так, никакой продуктивной пользы не приносило. Никогда. Просто я была другой. Виталик правильно сказал: я другая, я не Ляля. И никогда ею не буду.

Знаете, каково это – жить, понимая, что завидуешь сестре? Причём младшей сестре. Для которой ты должна быть примером для подражания. Которая должна на тебя ориентироваться, которая должна завидовать твоей взрослости, спрашивать совета, стараться одеваться и краситься, как ты. Ведь именно так правильно. Разве нет? У моих подруг тоже были младшие сестры, или старшие, и все вели себя именно так. Независимо от того, насколько ладили между собой. Некоторые ссорились и скандалили, порой даже дрались, что-то выясняли между собой. Это были нормальные человеческие отношения, на мой взгляд. Нормальные люди именно так себя и ведут, ведь у каждого свой характер, жела-

ния, стремления, нельзя взять и слепо согласиться с кем-то. Хочется доказать свою точку зрения, отстоять её, и это совсем не означает ссору или плохие взаимоотношения, просто люди разные, и, порой, так интересно узнавать обратную точку зрения.

А вот в моей семье было по-другому. В нашей семье была лишь одна точка зрения – Лялина. Причём точка зрения не эгоистичная, моя младшая сестра никогда ничего не требовала и ни на чём не настаивала, уж тем более ставить её интересы превыше других или исполнять лишь её желания. Иногда мне казалось, что у Ляли вовсе не было своих, личных пожеланий или стремлений. Её миссией было нести свет и добро в этот мир, а родители настолько прониклись её предназначением, что перестали обращать внимание на всех остальных. Включая меня. В нашей семье, со дня её рождения, царила Ляля. И я, к своему ужасу, временами думала о том, что ненавижу сестру. При всей её красоте, доброте, ангельском характере, я её ненавидела. И из-за этого чувствовала себя страшным человеком. Неблагодарной, злой интриганкой, которая украдкой наблюдает за недостижимым идеалом, и ненавидит. Себя, сестру, родителей. Ненавидит ту идеальную картинку, которой они все живут, и в которую совершенно не вписываюсь я, со списком вечных проблем и неудач. Я почему-то всегда хотела того, чего родители были не в силах понять. Училась я средне, просто потому, что было скучно; я гуляла вечерами с друзьями, в то время, как

Ляля сидела дома, пекла с мамой пирожки и читала учебники; я убегала с подружками в ночной клуб, тайком, тогда, как Ляле бы подобное и в голову не пришло, она ведь росла идеальным ребёнком. Я выросла с её именем. Отовсюду звучало: Ляля, Ляля, Ляля. И я бежала от этого, из-за чего прослыла проблемным подростком. А став взрослой бесконечно извожу себя вопросами: почему я такая плохая, неудавшийся эксперимент?

При всём при этом, отстраняясь от моей горячо любимой, идеальной семьи, я чувствую себя не так уж и плохо. Все комплексы обрушиваются на меня, как только переступаю порог родительского дома. Я сразу начинаю чувствовать себя неуютно, начинаю нервничать и внутренне зажиматься. А ещё заниматься самокопанием. Как же я ненавижу это чувство. В реальной жизни меня занимают совсем другие заботы, у меня достаточно большой круг интересов. А ещё мечты, планы, которые я никогда не озвучиваю родителям или сестре, знаю, что они если и поддержат для видимости, то точно не поймут. А между тем, обойдясь без их помощи и поддержки, я в своё время окончила институт туризма, выучила два языка, и за поддержку в нелегкое студенческое время я благодарна лишь бабушке, которая всегда говорила мне слушать себя, а не родителей. Она сама была человеком не слишком образованным, с ранних лет, а годы были послевоенные, работала на ткацкой фабрике, и о высшем образовании не то, что не мечтала, даже не задумывалась. В нашей

семье законченное высшее образование было у отца, и он всю жизнь проработал инженером на заводе, и до сих пор там работает, на маленькой зарплате, лишь в надежде продержаться до пенсии. Поэтому моё обучение не было в приоритете у семьи, да и направление, по их мнению, я выбрала странное. О туризме мои родители никогда не задумывались, языков не учили, поэтому что-либо советовать не стали. Не помогали, но и не мешали. И на том спасибо.

А вот бабуле я готова в ноги поклониться. Именно она поддерживала меня в первые, самые сложные и голодные годы обучения. Откладывала по крохам со своей пенсии, чтобы поддержать, чтобы оплатить обязательные поездки или курсы. А то просто дать немного денег на новую кофточку.

Но всё остальное я сделала сама, значит, мне есть чем гордиться? Я постоянно себе об этом напоминаю. Да, мне тридцать два года, и, наверное, в чём-то я неудачница, например, с личной жизнью у меня никак не складывается. Миссию, как Ляля, я никак не выполню, то есть, замуж не выхожу и детей не рожаю. Но решиться на самый главный шаг в жизни только из-за того, что часики тикают, это как-то не в моём характере. А в остальном, я считаю себя справившейся с задачей минимум. У меня есть профессия, работа с приятной зарплатой, которую я, честно, заслуживаю. У меня собственная квартира, пусть и в ипотеку, новенькая немецкая машинка, на которую я сама же зарабатываю, я стараюсь не отказывать себе в базовых вещах и удовольствиях, раз в год ку-

да-нибудь езжу, если получается. Вот, например, в прошлом году я побывала в Испании, выслушала ряд лекций, поучаствовала в нескольких тренингах, при этом успела отдохнуть, полежать на пляже и даже съездить на экскурсию, уложились в четыре дня. Приехала довольная и немножко загорелая. А то, что меня дома никто не ждёт... Так это мой выбор, личный. Семейных отношений мне с лихвой хватает под крышей родительского дома. Зато я никому ничего не должна, и усердно работаю, бывает с раннего утра и до поздней ночи, чтобы не беспокоиться о куске хлеба.

Хотелось бы мне, как Ляля, наслаждаться браком и воспитывать детей? Может быть. Если честно, у меня нет на это чёткого ответа. Но каждый раз, когда я наблюдаю за сестрой, мне становится очень тягостно на душе. Я чувствую себя неправильной, сломанной и чужой в этой семье. Понимаю, что завидую Ляле. Не её жизни, а тому, что она для всех своя, что её любят. А она для этого не прикладывает никаких усилий, лишь освещает всё пространство вокруг себя, как несгораемая лампочка. Мягким, тёплым светом. А мне этого не дано. Мне приходится идти напролом и что-то бесконечно доказывать. Будто выпрашивая внимание и любовь. Без конца повторяя:

– Я хорошая, я хорошая. Посмотрите на меня.

А смотрели редко. И я ненавидела себя за то отчаяние, с которым ждала от родителей внимания и любви. А от меня почему-то всегда ждали плохих новостей.

– Ты ведь ничего от меня не утаиваешь? – будто подтверждая мои мысли, спросила мама на следующий день, провожая меня до машины. Моя красная машинка стояла у ворот и радовала глаз своей новизной и сверкающими боками.

– Ты о чём? – переспросила я.

– Просто хочу, чтобы ты была осторожна и внимательна. У тебя талант попадать в неприятности.

Мама потянулась губами к моей щеке. Я растянула губы в улыбке, послушно подставила щёку для материнского поцелуя, а сама подумала о том, что ни мама, ни папа никогда не решали мои проблемы, а на все неприятности лишь печально качали головами. Помогать и из этих самых неприятностей меня вытаскивать, никогда не стремились. Поэтому спрашивать и предостерегать было ни к чему.

Я приняла слова матери, после чего сказала, стараясь расставить все точки над i:

– Все мои неприятности – моя проблема. Я со всем справлюсь, не переживай.

Она кивнула, явно удовлетворённая моим ответом. Правда, всё же погрозила пальцем:

– Всё равно аккуратнее.

Я стояла перед ней и улыбалась, ожидая, когда короткий приступ материнской заботы сойдёт на нет. На веранде заплакал Данька, мама тут же отвернулась, обеспокоенно нахмурилась и воскликнула:

– Ляля, Даня плачет! Что-то случилось! – И забыв попро-

щаться, поспешила обратно к дому. Я вздохнула, проводила мать взглядом, после чего села в машину.

На этот месяц родственных отношений мне достаточно.

ГЛАВА 2

Дома меня никто не ждал. Я даже рыбку золотую, как мечтала в детстве, так и не завела. С рыбкой говорить было не о чем, она бы лишь молча таращила на меня бессмысленные глаза, и я бы из-за этого раздражалась. Наверное. Так и не заставила себя проверить. У бабушки всегда жили кошки, в основном, коты, толстые и вальяжные, вот их я любила, но заводить животное и обрекать того на бесконечное одиночество в пустой квартире, мне совесть не позволяла. Я ведь пропадала на работе. В принципе, я и жить там могла. В конце концов, я управляющая отелем, в последние два года в родном городе. А до этого, работая в других городах и даже странах, мне предоставляли жилье по месту работы, и получалось, что я с неё вообще не уходила. Круглые сутки в зоне доступа. Если честно, надоедало. Старательные сотрудники доводили до меня всю информацию, которую мне и знать-то не следовало, они сами должны были решать вопросы и проблемы, а мне лишь сообщать о результатах, но до моих ушей доходило практически всё, что происходило в отеле, в любое время суток. Можно сказать, что именно по этой причине я, в конечном счете, и решила вернуться в родной город. Мне предложили должность управляющей в новом отеле, блага цивилизации, наконец, добрались и до нашего небольшого, хоть и областного города, ев-

ропейские стандарты дошли и до нас. Международная сеть отелей накрывала Россию, и я из Хорватии, в которой прожила больше года, вернулась домой. После шести лет разъездов и работы в других странах. Конечно, меня отговаривали. Люди рвутся уехать работать в Европу, а я засобиралась обратно. Но у меня к тому моменту наметилась цель. Обустроить себе тыл. Я обожаю свою работу, и, скорее всего, наступит день, когда я снова покину Россию. Но перед этим необходимо было создать базу, задел на будущее, желательно стабильное. Ведь в родном городе, который я всё-таки считала родным, у меня не было ничего. У меня вообще нигде, во всём мире, не было ни кола, ни двора. На тот момент я всё ещё была прописана в родительской квартире, на пятидесяти квадратных метрах вкуче со всеми своими родственниками, и больше из нажитого имущества, и то, нажитого не мной, у меня ничего не имелось. Фактически я была человеком без определённого места жительства. По работе переезжала из страны в страну, из отеля в отель, даже в Азии пожила, но купить себе собственное жильё, позволить не могла. Пришлось бы копить лет двадцать, проживая в отелях, как бездомная, чтобы позволить себе небольшую квартиру или домик где-то на задворках Европы.

Конечно, я преувеличиваю. Не двадцать лет, и, возможно, вовсе копить бы не пришлось, встретить я какого-нибудь заграничного принца и выйди за него замуж. Но принц никак не встречался, то ли я была слишком разборчива, но ближе

к тридцати годам, моя кочевая жизнь стала меня беспокоить. Поэтому я решила вернуться домой. Предложение о работе оказалось весьма кстати, зарплату для нашего региона мне пообещали вполне солидную – не фантастика, но на мои дальнейшие планы и траты её должно было хватить, – и я собрала нехитрые пожитки, которые уместились в три чемодана, и отправилась домой. Брать ипотеку и автокредит. У меня были накопленные в валюте деньги, их хватило на половину двухкомнатной просторной квартиры в хорошем доме в центре города, в новом строящемся микрорайоне, а остальное повисло на моей шее в качестве ипотечного долга. На который я последние годы и работала. Представляла, как наступит день, в который я утром проснусь и пойму, что свободна, как птица. Больше никому ничего не должна, и могу жить в своё удовольствие. Не скажу, что сейчас сильно урезаю себя в желаниях и потребностях, но долг есть долг. Дело весьма неприятное. А в остальном... Куда и на что мне тратить деньги? У меня нет ни одной серьёзной статьи расходов, кроме ипотеки и путешествий. В последнем я стараюсь себе не отказывать, напрочь отвыкшая сидеть на месте. Да и не держало меня здесь ни что, даже кота, и того у меня не было.

А как же личная жизнь, спросите вы. Я же в ответ пожму плечами. Наверное, личная жизнь, женское счастье – это не про меня. Хотя, со стороны я произвожу впечатление успешной, самодостаточной женщины, у которой нет ни

единого повода для переживаний. Не надо думать, что я синий чулок, за мной ухаживают мужчины, у меня даже романы случаются, но, скорее, мимолетные, чем серьёзные, и я не считаю себя неудачницей или уродом. Мои комплексы так далеко не заходят. Но найти что-то глубокое, способное зацепить меня за живое, за самую душу, никак не получается. Хочется искренних чувств и теплоты, желания видеть и общаться с человеком каждый день, а такого со мной почему-то не случается. Проходит некоторое время, и мне хочется убежать, спрятаться и не отвечать на звонки. И я перестаю на них отвечать, теряя тем самым людей, им надоедает подстраиваться под меня, под моё настроение, и они исчезают. А я, признаться, вздыхаю с облегчением, хотя, и понимаю, что не права.

У меня было несколько романов, пока я проживала за границей, но я каждый раз останавливала себя, понимая, что не готова принять окончательное решение, и пойти в отношениях дальше, ведь возникала четкая перспектива остаться в Европе навсегда. Выйти замуж, хотя бы попробовать, возможно, родить ребёнка. И тогда бы пути назад, домой, не было. А домой меня тянуло. Где бы я ни была, и сколько бы ни отсутствовала, я всегда знала, что у меня есть дом. И вернуться надлежит туда, там ведь ждут.

Сама себя обманывала, потому что после бабушкиной смерти, меня никто особо не ждал. У моих родственников свои семьи, свои заботы, они давно привыкли к тому, что я

далеко. Всегда отсутствую, и что у меня всё хорошо. Никто не ждал, что я захочу вернуться. И родители одними из первых моему решению удивились, но спорить не стали. Отец лишь сказал:

– Тебе лучше знать. Делай, как считаешь нужным.

Он всегда так говорил. По крайней мере, мне. В отношении Ляли таких неопределённых фраз никогда не произошло. Её судьба и её планы всегда тщательно родителями обсуждались, я же со своими обязана была разбираться сама.

Очередная детская обида всколыхнулась в душе, и я поспешила сделать глубокий вдох, чтобы заставить внезапное возмущение улечься. Обычно помогало. Вдох, ещё вдох.

Впереди была ещё половина выходного дня, но заняться было совершенно нечем. Стыдно признаться, но с подругами у меня как-то не складывалось. Все годы работы я слишком часто переезжала, чтобы заводить долгие дружеские отношения. У меня было огромное количество знакомых и приятелей, обоих полов, с некоторыми мы созванивались, переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, общались по видеосвязи, но друзей, которым я могла бы позвонить среди ночи, чтобы пожаловаться или выговориться, у меня не было. А вернувшись в родной город после пяти лет отсутствия, надеяться на восстановление прежних дружеских отношений, тоже не приходилось. Бывшие одноклассники и сокурсники повзрослели, обзавелись семьями и обросли ворохом забот и проблем, им, явно, было не до ме-

ня. Я и не надеялась, если честно. С головой ушла в работу, отель только открылся, следовало налаживать сервис с самого нуля, а это требовало много времени и полной моральной отдачи. Сейчас, спустя два года, когда колесо закрутилось само собой, я всё чаще стала ловить себя на мысли, что мне одиноко. В родном городе, рядом с семьёй, мне одиноко. Куда же ещё мне отправиться, куда уехать? Записаться в добровольцы в экспедицию на Марс? Там мне, наверное, скучно не будет.

Наш отель (мой отель, наверное, прозвучит слишком пафосно и чересчур высокомерно, хотя, мысленно я всегда говорила «мой») находился в самом центре города, в её исторической части. Четыре этажа, пятьдесят номеров, ресторанный зал, просторный холл и подземная стоянка. А наверху, на самой крыше, зона отдыха с удивительным видом на старый город, соборы, природные красоты за рекой. На крыше обустроен небольшой бар, шезлонги, установлены диваны, растения в кадках и сделан навес от солнца. Там было приятно отдыхать, не хватало только бассейна с голубой водой, в которую хотелось нырнуть, в поисках прохлады в особо жаркие летние дни. Постояльцы отеля любили проводить на крыше вечера, когда становилось прохладно, а солнце кроваво-розовым цветом окрашивало линию горизонта. В эти минуты приятно было сидеть в шезлонге с бокалом вина или коктейля и поглядывать на золотые купола церквей и соборов, в огромном количестве рассыпанных по горо-

дам и весям средней полосы России. В нашем отеле останавливались преимущественно иностранцы. Им было комфортнее среди привычной обстановки, с англоговорящим персоналом, когда не нужно было подстраиваться под чужой менталитет и привычки. У нас останавливались как туристы, так и предприниматели, приезжающие в наш город расширять свой бизнес в России. Дважды за два года мы даже встречали бизнес-делегации, а в нашем ресторанном зале проводили онлайн-конференции. Каждый раз я с головой погружалась в организацию мероприятия, а после, если всё проходило без сучка, без задоринки, безумно собой гордилась. Не знаю уж, гордилось ли мной начальство, но премию выписывало, тем самым благодаря за вклад в общее дело. Пусть наш отель был совсем крошечным по сравнению с его братьями в других крупных городах страны, но мы тоже вносили свой вклад, трудились и старались соответствовать, и я собой гордилась. Моя работа стала моей жизнью.

Вот и сегодня, не придумав ничего лучше, никакого развлечения, я отправилась на работу. Было воскресенье, и я отлично знала, что в середине дня к нам заселяется группа китайских туристов. Китайские друзья всегда были энергичными и суетливыми, всегда торопились и без конца фотографировали, поэтому я знала, что в отеле перед заездом лёгкий переполох.

– Тамара Евгеньевна! – Я не успела войти, как на моём пути оказалась Люба, менеджер по управлению персоналом.

Женщина приятная, но слишком беспокойная. Передающая своё беспокойство всем вокруг, но при этом я знала, что могу на неё положиться. От своего беспокойства, Люба слыла весьма ответственным работником. – Тамара Евгеньевна, новые горничные не справляются. А я вас предупреждала!

– Добрый день, Люба, – проговорила я, направляясь прямым ходом к ресепшену и открывая журнал смен. Пробежала глазами записанные от руки замечания сотрудников за последние сутки. Судя по всему, ничего страшного в моё отсутствие не случилось. – И с чем же новенькие не справляются, по-твоему?

– Да со всем! – Люба одёрнула форменную блузку, и ткань ещё сильнее натянулась на пышной груди. – Я зашла проверить после них, а кровать застелена неправильно, под самой кроватью пыль, а полотенца развешены неровно!

– Плохо, – согласилась я. На Любу взглянула. – Ты объяснила им, что не так?

Люба удивилась.

– Конечно.

– Тогда в чём проблема? Пусть идут и переделывают, а ты следи.

– Да когда же у меня времени хватит за всеми следить?!

Я таинственно понизила голос, чуть придвинулась к Любе.

– Ты сегодня-завтра последи, у нас заезд за заездом, сама же понимаешь. Если не исправятся, будем решать вопрос.

Люба маетно вздохнула, но кивнула, соглашаясь.

– Хорошо. Но это просто удивительно! – всё же возмутилась она. – Будто их заставляют уравнения решать, а не пыль вытирать! Глаз да глаз за всеми!

Я согласилась и даже повторила вслед за ней:

– Глаз да глаз.

Пока я направлялась к лифту, меня настиг начальник охраны.

– Тамара Евгеньевна, у нас проблема с автомобилем постояльца. Он сшиб парковочный столбик при въезде...

И вот так целый день. Бесконечные вопросы, проблемы, организационные и масштабные, порой глупые, люди не уставали меня удивлять, если честно, зато я чувствовала себя нужной, при деле. Точнее, при делах, которые никак не кончались. Бывало, настолько могла закрутиться, что про родителей и семью вспоминала лишь по прошествии пары недель. Правда, и они меня своими звонками и беспокойствами не мучили. Можно с уверенностью сказать, что после моего сегодняшнего отъезда, особенно после того, что я наговорила вчера за ужином, позвонят мне нескоро. Не раньше, чем дней через десять. Но, наверное, надо быть душевнее и добрее самой, и позвонить маме. Завтра. Или дня через три. Поинтересоваться, как дела.

Почему-то отношения с родителями у меня всегда были настороженными. Что странно. Они ведь замечательные люди, душевные, нацеленные на семью, на детей и внуков. Но я

частенько ловила себя на мысли, что не чувствую себя их семьёй. И это случилось не вчера, и даже не семь лет назад, когда я собралась уехать от них и из родного города. Я чувствовала свою отстранённость гораздо, гораздо раньше. И что скрывать, было кое-что в нашей общей семейной истории, что я никак не могла им простить. И, хотя, прошло много лет, возможно, простить не смогу никогда. Даже запретив себе думать об этом, свершённая несправедливость (а я считала именно так, до сих пор!) не давала мне жить спокойно. А все остальные, кажется, предпочли забыть о случившемся, и живут счастливо дальше. Без меня.

Я вошла в свой кабинет, закрыла за собой дверь и положила сумку на гостевой стул. Потом обошла стол и остановилась у большого окна. Посмотрела вниз. Под окнами отеля проходила главная центральная дорога города, впереди широкий проспект с новыми многоэтажками и огромным торговым центром. Небольшой сквер, клумбы, фонтанчик. Люди, спешащие по своим делам и просто прогуливающиеся. Через дорогу здание филармонии, старое, но сверкающее начищенными стеклянными стенами. В сквере играли дети, на лавочках сидели мамочки и бабушки, торговец воздушных шаров привлекал внимание яркой продукцией, которая так и рвалась ввысь, а дети бегали вокруг него и тыкали пальчиками в особо красивые шарики. К отелю подъезжали машины, я наблюдала за всем этим с высоты, а перед глазами вставали совсем другие картины, из прошлого. Из детства,

из юности. Я отлично помнила эту площадь совсем другой. Более примитивной, тесной, с голубыми елями по периметру, за которыми начинался частный сектор с покосившимися домишками и низкими заборами.

Сколько мне тогда было?

Какая разница? Я помнила всё с того дня, в который моя жизнь изменилась.

Мне было пять лет. И в тот день маму выписали из роддома, и она вернулась домой с Лялькой на руках. Странно, но я отлично помню тот день. Как я ждала маминого возвращения, потому что до рождения Ляльки, она никогда не покидала меня так надолго, на целую неделю. И всю эту неделю папа твердил, что мне не нужно плакать, что мама скоро вернётся и привезёт мне братика или сестрёнку. Это ведь лучший подарок на день рождения. И мама, на самом деле вернулась, и привезла Ляльку. Я помню, как подпрыгивала от нетерпения у кухонного окна, ожидая, когда подъедет машина, и я увижу маму. Ждала ли я братика или сестрёнку? Я сейчас уже не помню. Куда больше я хотела возвращения мамы. Как и все дети.

А потом мама вернулась, с ней был папа, бабушки и дедушки, подруги и друзья, собрался целый дом гостей. Я не понимала, что происходит, обычно столько людей приглашали на день рождения или в Новый год, и я бегала по квартире, цепляла всех за руки и спрашивала. А потом папа подхватил меня на руки, он был радостным, смеялся, он отнёс

меня в спальню и тогда мне показали Ляльку. Она лежала на родительской постели в раскутанных пелёнках, возилась, куксилась и слеповато щурила глаза.

– Это твоя сестрёнка, – сказал мне папа.

Я смотрела на младенца, потом взглянула на маму, которая счастливо улыбалась. Она погладила меня по волосам, после чего присела на край кровати, и вся сосредоточилась на малышке. А кто-то рядом сказал:

– Видишь, Тома, тебе родители Ляльку родили.

Так это имя к Ольге и пристало. Всем понравилось. Ляля, Ляля. Звучало нежно и по-детски.

С того дня я отлично помню себя, свою жизнь, как я росла и что чувствовала. Хотя, бабушка говорила, что я всё выдумываю. Не может ребёнок с таких лет себя помнить. Кто знает, может, она и права, и я половину выдумала. Но я почему-то отлично помню, себя, сидящую вечерами на диване с книжкой сказок или с альбомом для рисования, и родителей, которые ходили по комнате туда-сюда, в попытке укачать плачущего ребёнка. Лялька была слабенькой, болезненной, без конца плакала или куксилась. Родители не спали ночами, отец бегал по утрам на молочную кухню, прибежал запыхавшийся, наспех завтракал, хватал меня в охапку, чтобы отвести в сад или в школу, и мчался на работу. Обычно ему не хватало времени, чтобы меня завести в группу и переодеть, и мне пришлось учиться делать это самой. Меня оставляли на крыльце у двери в группу, я махала папе

рукой на прощание, а он уже бежал прочь, чтобы не опоздать на работу. Вечерами мне также надлежало быть собранной, переодетой, и ждать кого-то из родителей. Мне нравилось, когда меня забирала бабушка. К сожалению, она приезжала не так часто, зато с ней никуда не нужно было торопиться, по пути домой мы обязательно заходили в магазин и покупали что-нибудь вкусное, на что у родителей обычно не хватало денег или времени, чтобы дождаться, пока я сделаю выбор между пирожным «картошка» или «корзиночкой».

Мне рано пришлось стать самостоятельной, по крайней мере, в обслуживании себя и в попытке придумать, чем себя развлечь. Мама всегда была занята Лялькой, которая лет до трех без конца болела, переходя от банального ОРЗ в бронхит, из ветрянки в скарлатину и так далее. Целый хоровод болячек. Сестру даже в садик отправили только за год до школы. До этого момента мама не отпускала её от себя, справедливо полагая, что стоит кому-то на младшую дочь чихнуть, как она тут же вновь заболит. Не помню, но если и со мной были такие же проблемы до трёх лет, то мне родителей искренне жаль. Но про мои болезни мне никто ничего не рассказывал, и как я их перенесла, тоже. Я только помню, что ходила в садик, в школу, в продлёнку. Я всегда куда-то ходила, пока мама дома качала Ляльку на руках. Может, поэтому родители столь безгранично любят сестру? Потому что она далась им такими усилиями?

Но при этом повторяюсь, что моя сестра не выросла изба-

лованной или капризной. Ляля с самого раннего возраста, даже с ветрянкой или детскими соплями, озаряла всех своей улыбкой, будто солнышко. Она всегда была доброй, отзывчивой девочкой. Очень красивой. Хрупким, белокурым ангелом с огромными голубыми глазами. Помню, как родители собирали её в первый класс, как утром первого сентября она стояла посреди большой комнаты в форме, в белом фартуке, с букетом цветов и новеньким портфелем за плечами. Лучилась счастливой улыбкой, а папа бегал вокруг неё с фотоаппаратом.

– Тома, посмотри, какая она красotka, – ахала мама и всплёскивала руками от восторга. А затем сказала младшей дочери: – Ты будешь самой лучшей ученицей!

– Отличницей? – Лялька задрала повыше острый подбородок и улыбнулась, демонстрируя отсутствие двух зубов впереди. Повернулась ко мне. – Тома, я ведь буду отличницей?

– Будешь, – ответила я, ничуть в этом не сомневаясь. В тот день мне надлежало отправиться на школьную линейку, держа за руку младшую сестру-первоклассницу. Родители шли позади нас и гордо улыбались. Но я знала, что гордятся они больше Лялькой. Меня первого сентября не отводили в школу после второго класса. Дальше я, по мнению родителей, стала достаточно взрослой, чтобы справляться самой.

Отличницей Ляля не стала. Объективно говоря, стремления к получению знаний в ней было не так много, куда боль-

ше старательности. Но зато с её появления в первом классе, её стала обожать вся школа. И это продлилось все десять лет обучения сестры. Первые годы неизменно Лялю выпускники носили на плече во время церемонии последнего звонка, а сестра, озаряя счастливой улыбкой всех собравшихся, звонила в медный колокольчик. Соответственно, Лялька была на всех фотографиях, её звали на все конкурсы, вовлекали в торжественные мероприятия и отправляли на олимпиады. Чрезмерных знаний от неё не требовали, но своим обаянием она неизменно зарабатывала родной школе несколько хороших баллов. Учителя Ляльку тоже обожали. Она всегда была вежлива, послушна, готова помочь. Мальчики едва ли не с третьего класса готовы были носить за ней портфель до дома и по коридорам школы, и никто никогда не дёргал сестру за косички и не толкал в коридоре. Потому что толкнуть столь милое создание казалось невыносимым даже последнему хулигану. А Лялька любила всех на свете, казалась непогрешимой, и все вокруг её обожали. Мне порой казалось, что её мир и мой находятся в параллельных вселенных, потому что в моей жизни ничего непогрешимого не было. Жизнь как жизнь. Как у всех подростков.

Сказать, что я не люблю сестру или обвиняю родителей в том, что они всегда любили её больше, нельзя. По крайней мере, все свои мысли на этот счёт я всегда решительно пресекала, даже если они начинали звучать в моей голове, как молот, в моменты особенной обиды или непонимания. Про-

сто я чувствовала себя не такой, как Лялька. И это ощущение было очень острым, и казалось обидным. Я ведь не делала ничего плохого, я также старалась учиться, и училась лучше, чем сестра, скажем без ложной скромности. Но я не умела улыбаться, как она, не умела лучиться, и учителям не приходило в голову делать мне поблажки только из-за того, что я такой милый, беспроблемный ребёнок. Я росла среднестатистическим подростком, со своими комплексами, проблемами, которые никто не торопился решать. Родители работали, а в свободное время были заняты Лялей, которая то танцевала, то где-то выступала, то рисовала, причём без особых перспектив и успехов, просто её всюду хотели видеть и готовы были восхвалять и аплодировать. К пятому классу её обучения в школе, вся наша квартира была увешана различными дипломами, грамотами и благодарностями. Я готовилась к выпускным экзаменам после девятого класса, корпела над учебниками и занималась дополнительно английским языком на курсах, которые мне оплатила бабушка в качестве подарка на день рождения, а Лялька участвовала в городском конкурсе талантов, и для неё в ателье было заказано платье с пышной юбкой и блестящими рукавами.

У меня не было злости или обиды. Мне лишь иногда становилось завидно, наблюдая, как мама обнимает Ляльку и обсуждает с ней её дела и мечты, а моими совсем не интересуется. То есть, родители, конечно, интересовались. Где и с кем я гуляю, какие оценки я получила в четвер-

ти, и сдам ли выпускные экзамены. Вот только про моё будущее они говорили весьма туманно, намекая, что мне не следует сильно на них обижаться, если они окажутся не в силах оплатить моё дальнейшее обучение. Семья у нас, не сказать, что хорошо обеспеченная, и мне нужно проявить благоразумие и трезво оценивать свои возможности.

Говорилось именно о моих возможностях, а не об их финансовой несостоятельности. Я поняла всё правильно, что мне надлежит выбирать место обучения без лишних надежд на родительскую помощь.

– Что это, вообще, за профессия такая – туризм? – ворчал отец. – Сроду о таком не слышал.

– Это новое направление, папа, – пыталась внушить я родителям, едва сдерживая слёзы. – Скоро оно станет весьма популярным.

– Когда скоро? У людей денег нет на путешествия.

– Будут, – упрямо твердила я. – Я хочу поступать в школу туризма, я учу язык!.. – У меня было столько разных доводов, которые хотелось привести, родителей заинтересовать, но отец, в итоге, лишь махнул рукой.

– Поступай, как знаешь. Это твой выбор. Но не знаю, чем мы сможем тебе помочь, если ты не поступишь на бюджет. Хочешь в свой туризм, старайся.

Услышать эти слова от отца, было обидно. Я тогда застыла, очень стараясь не расплакаться, а Лялька подошла и обняла меня сзади за плечи.

– У тебя всё получится, ты обязательно поступишь, – сказала она мне, и улыбнулась.

Спасла бабушка. Бабушку я обожала, и обожаю до сих пор, хотя, её уже несколько лет нет с нами. Но бабушка всегда меня поддерживала. И я знаю, что ругала маму за такое разное отношение к детям. А мама каждый раз обижалась, и категорически отказывалась от подобных обвинений. Говорила матери, что та не права. Просто Ляля... это Ляля. Она более слабая, более незащитная, ей требуется больше внимания и любви. А я, ребёнок, по натуре, замкнутый и самостоятельный. И всех отталкиваю.

– Конечно, отталкивает, – восклицала бабушка. Я даже помню один подобный разговор, я случайно оказалась за дверью и подслушала. – Раз у вас на неё времени нет! Что же ей, в углу сидеть, ждать, когда вы с идеальной куклой наиграетесь?

– Мама, что ты говоришь?

– То и говорю, – категорично заявляла бабушка. – Оплачу Томе обучение. Пусть поступает, куда хочет. Хоть, на археолога!

Я помню, что родители были не в восторге от выбранной мной профессии, от платы за обучение, мама пыталась уговорить меня передумать насчет вуза, и поступить в местный пединститут. Там ведь столько подходящих специальностей!

– Ты можешь стать учителем! – говорила она. – Того же английского языка. Или литературы.

– Мама, я не хочу быть учителем, – упрямилась я, и этим родителей всерьёз расстраивала. И в очередной раз отец махнул рукой и сказал:

– Решай сама. Наверное, лучше родителей знаешь. Всё уже решила.

И они снова сосредоточились на Ляле. Тогда я впервые всерьёз обиделась и психанула настолько, что на какое-то время уехала жить к бабушке. Готовилась к вступительным экзаменам под крышей бабушкиного дома, ела первую клубнику и разговаривала с бабушкиной живностью на английском. Ходила кормить кур и на английском озвучивала им меню. Меня саму это смешило. А ночами, лежа на бабушкиной пуховой перине, на терраске в одиночестве, пыталась найти оправдание родительскому равнодушию. И равнодушием их отношение не называла, мне казалось, что они на меня злятся, и, наверное, у них есть достаточный повод для этого, я ведь никогда не была идеальным ребёнком, а уж тем более подростком, как Ляля. До того момента, пока я не обозначила для себя цель, не определилась со своим будущим, я вела себя не слишком хорошо. Позже, немного повзрослев, я поняла, что это был тот самый подростковый протест, я всеми силами пыталась доказать что-то себе и родителям, в попытке обратить на себя внимание, но кроме возмущения и скорбно опущенных уголков маминых губ, ничего добиться не смогла. Была ли я плохой девочкой? По сравнению с Лялей, наверное, да. У нас был довольно

дружный класс, весёлый и шабутной, мы любили собираться большой компанией, шумели и веселились. В определённом возрасте пробовали курить, мальчишки пробовали выпивать и жутко собой гордились из-за этого, а ещё мы разбивались на парочки, целовались и ходили по школе, держась за руки и обнимаясь со своими избранниками, чем возмущали учителей. Из-за этого родителей вызывали в школу, проводили профилактические беседы и всячески неразумных подростков обличали. Помню, в мои пятнадцать, мама, красная от речей учителя, после пыталась донести до меня, что я ещё слишком молода и неопытна, чтобы иметь с мальчиками какие-то отношения. В то время мальчик у меня, на самом деле, был, я встречалась со своим одноклассником Борей Хороводой, но наши отношения были достаточно безобидны, и дальше поцелуев я заходить с ним не планировала. А плана я всегда придерживаюсь, это мой пунктик. Но мы с Борей отлично ладили, гуляли, проводили вечера вместе, учились целоваться, и не только целоваться. Мы были ровесниками, и очень много запретного попробовали вместе, чтобы не так страшно было. Мы с ним, скорее, были хорошими друзьями, знакомы с первого класса, чем влюблёнными, но в пятнадцать лет разницы особой не видели. Для всех и друг для друга, мы были парой, и отлично себя чувствовали. Мне хотелось бури чувств, эмоций, даже страданий. Чего-то, что отвлечло бы меня от семьи и душевного разочарования, от зависти к сестре, чувства, которое я в себе ненави-

дела, и за которое себя презирала. Поэтому, убегая с Борей вечерами в компанию друзей, мне было легче пережить собственное несовершенство. Я чувствовала себя плохой девочкой, а плохим людям можно быть завистливыми и разочарованными. Но, надо сказать, никаких ужасных действий я не совершала, и пропащей, как переживали родители, не стала. Наши посиделки с друзьями были лишь игрой во взрослую жизнь, но мы, в меру своей молодости, жутко гордились своими свободными, как нам казалось, нравами, гордились каждой выкуренной сигаретой и распитой на пять человек бутылкой пива. Кстати, с Борей мы до сих пор общаемся, если переписку в соцсетях время от времени можно назвать общением. Вспоминаем нашу юношескую «любовь» со смехом, и то, какими крутыми себя чувствовали. А сейчас Хоровода глубоко женатый человек и отец мальчишек-близнецов. Рулит небольшим автосервисом, но иногда любит удивить меня внезапным сообщением из разряда: «А помнишь, Томка, как мы к Гудакову на дачу ездили? Тебе всё ещё стыдно за те выходные?». Думаю, если бы его жена случайно прочитала это сообщение, у неё появилось бы немало вопросов и претензий к супругу. А тому пришлось бы объяснять, что дача у Лёшки Гудакова – это заброшенная сараюшка на участке в шесть соток, и что мы, заявившись туда компанией в десять человек, оказались без еды, и ходили ночью к соседям рвать зеленый крыжовник и морковь с грядки, потому что очень хотелось кушать. И за это мне, на самом де-

ле, до сих пор было стыдно. Стыдно и смешно, потому что тогда, в окружении шести мальчишек-подростков, мне было жутко страшно рвать этот самый крыжовник.

Мы не были плохими, мы не были хулиганами, но наш класс славился непослушанием и чрезмерным свободолобием, за что в школе нас не любили, и родительские собрания для наших родителей проходили куда чаще, чем в остальных классах. Мы с одноклассниками без конца влипали в какие-то истории, даже сами того не желая, и дома из-за этого мной были бесконечно недовольны. Родители никогда меня не наказывали, но в их взглядах и отношении было столько разочарования, что мне трудно это забыть. Я никогда не была и не буду идеальной для них, как Ляля. Меня даже никогда не ругали, во мне лишь разочаровывались и ставили Лялю в пример. Лялю, которая не убегает вечерами из дома. Лялю, которая никогда не грубит и хорошо учится. Лялю, которая растёт доброй, милой девочкой. И в любой ситуации похожа на принцессу, умеет себя вести и поговорить с человеком. А я злюсь и убегая, потому что не хочу принимать критику и задуматься над своим поведением, а, главное, будущим. А когда задумалась, мне сообщили, что я не права. Правда, к моменту окончания школы, моя неправота в глазах родителей, уже не могла меня остановить. Я успела смириться с тем, что никогда не стану для них идеалом, как сестра. Просто потому, что я не идеал. Ну, не получается у меня. Я не добрая, не милая, не спокойная. У меня бывают дни, когда

я не хочу, да и не могу улыбаться. Мне хочется кричать и топтать ногами, потому что я злая и неуравновешенная. С Лялей подобных приступов не бывает, с ней легко и понятно.

В институт я поступила, на факультет, о котором мечтала. «Сервис, туризм и гостиничное дело», московский вуз с филиалом в нашем городе. Когда сообщила родителям, видела, как они переглянулись, явно недовольные, но затем коротко поздравили. Что ж, и на этом спасибо. Я заставила себя улыбнуться, поблагодарила за их короткое поздравление.

– Не обращай внимания, – посоветовала бабушка. – Учись, жизнь свою устраивай. – Вдохнула. – Что ж поделаешь, все люди разные. Насильно мил не будешь.

Это и было обиднее всего. Что мне всю жизнь приходилось прикладывать усилия, чтобы заинтересовать родителей собой. Всё детство и юность я была для родителей своего рода разочарованием. Хотя, не могу понять, что такого нехорошего делала. В чём ошибалась. Училась, старалась помогать, быть хорошей дочерью. Но до идеала не дотягивала. Наверное, потому, что идеал у них уже был. И после моего выпускного класса, родители сосредоточились на приближающемся окончании школы Лялей. Мама почему-то была уверена, что сестра закончит школу с медалью, если не с золотой, то с серебряной непременно. Хотя, никаких предпосылок к этому, кроме любви педагогов к Ляле, не было.

И только бабушка старалась меня настроить на позитивный лад. Хотя, она никогда не была человеком особо чут-

ким и любвеобильным. И этим мы были с ней очень схожи. Не любили лишние признания, поцелуи и объятия, считали, что всего должно быть в меру.

— Ты взрослая, — говорила она, когда я училась на первом курсе. — Тебя вырастили, выучили, всё, что могли, дали. Больше тебе с родителей спросить нечего, а им с тебя. Живи, как можешь, только головы не теряй.

Не слишком душевно, правда? Но зато по делу, я эти бабушкины слова ещё тогда приняла к сведению, как бы горько мне в тот момент, всё-таки молодой девчонке, ни было. Поняла, что нужно всеми силами постараться отпустить детские обиды, ведь семья, родители у меня одни. И сестру я люблю, она ведь не виновата, что родилась на редкость замечательным человеком. Что-то такое в Ляльке есть, нечто гипнотическое, что приковывает к ней даже не внимание, а хорошее отношение людей. Значит, Бог ей дал. За что на неё злиться?

Я продолжила учиться, периодически уезжая в Москву на сессии или различные студенческие мероприятия, семинары и тренинги. Не пропускала ни единой возможности посетить столицу и познакомиться с людьми. Студентами, педагогами, иностранными гостями, лекторами и представителями разных сфер обучения и бизнеса. В Москве было огромное множество возможностей. Не скажу, что меня тянуло в столицу жить, что мне хотелось там остаться, скажу честно — не планировала. Но за годы учёбы у меня появилось

много знакомых и друзей, москвичей и со временем осевших в столице студентов, и я могла позволить себе остаться у кого-то в гостях на неделю-другую. А по окончании третьего курса и вовсе устроилась на работу в один из отелей, на ресепшен, и провела в Москве всё лето. Скажу честно, уехав от родных, избавившись от бесконечного чувства вины и душевной неудовлетворённости, жить мне стало легче. Бабушка даже говорила, что я повеселела, стала смелее и увереннее в себе. Я перестала бояться жизни, окончательно уверившись в том, что не пропаду. Я работала в отеле, снимала со знакомой девочкой квартиру напололам, кормила и одевала себя, параллельно ездила на семинары и знакомилась там с новыми людьми. На одном из таких семинаров я и встретила ЕГО. Не знаю, почему обратила внимание, на вид он был обычным парнем, такой же студент, как и я, только следующий курс у него был последним, престижного московского ВУЗа. И завидным женихом он тоже не был. Ни богатых родителей, ни московской прописки, никакой подушки безопасности, сплошь перспективы на будущее, связанные с его светлой головой. Но я за богатством и пропиской никогда не гналась, да и, вообще, ни за кем не гналась, замуж не стремилась, даже о любви не мечтала. Была поглощена учёбой и работой, мне всё казалось безумно интересным. И вдруг та самая любовь нагрянула, совершенно неожиданно. Мне двадцать один, ему двадцать три, два провинциальных студента в Москве.

Мы познакомились совершенно банально. Нас представили друг другу какие-то общие знакомые, я даже не помню, кто именно. Просто ткнули пальцем и сказали:

– Это Тамара. А это Виталик.

Да, это был именно он. Будущий муж моей сестры. Его всегда называли Виталиком, даже его друзья мужского пола. Высокого, статного, широкоплечего сильного мужчину, а до того молодого человека, все вокруг называли детским именем Виталик, а его это нисколько не смущало, потому что по отношению к нему, имя не звучало глупо или по-детски. Оно звучало ласково и добродушно, и его хотелось повторять и повторять. По крайней мере, мне. Я даже не поняла, в какой момент я влюбилась. Просто в одно прекрасное утро проснулась с мыслями о нём, и поняла, что, засыпая думала о нём же. А это, по всей видимости, что-то значит. Ведь раньше со мной подобного не случалось.

Виталик был добрым, отзывчивым, улыбчивым и лёгким по характеру. Мы могли бродить с ним по Москве до глубокой ночи, разговаривая, держась за руки, обсуждая что-то, о чём я и представления никакого не имела. А он сыпал терминами, рассказывал о теориях создания мира, а я слушала его, открыв рот, понимая, что я никогда о подобном не задумывалась. А потом хохотала, когда Виталик подхватывал меня на руки и начинал кружить. Мне казалось, что я никогда не была так счастлива, как с ним. Я даже решила не возвращаться по осени домой, рискнув и дальше, в процессе учёбы,

совмещать её с работой в отеле, лишь бы было чем платить за жильё, чтобы остаться в Москве на весь учебный год. Виталик тоже жил на съёмной квартире, делил её с двумя товарищами, и подрабатывал по будущей профессии, собираясь после получения диплома уехать по приглашению в Германию. Потенциальные работодатели были щедры на приглашения и посулы, и будущее нам виделось весьма красочным. Правда, как позже выяснилось, я для себя будущее рисовала буквально взрывными красками, успев напридумывать то, чего нет. В моих планах на будущее (в моих мечтах!) всё было очень красиво. Мы вдвоём, мы любим друг друга, ведь судьба свела нас в столице не просто так, двух провинциальных студентов. Мы должны были быть вместе, добиваться всего вместе, к тому же у нас обоих были весьма заманчивые перспективы. Но, наверное, у меня, на самом деле, закружилась голова от любви, ведь я ни разу не задумалась о том, чтобы сесть и обсудить с Виталиком эти самые планы на наше совместное будущее. Но наши отношения были настолько безукоризненны, настолько беспроblemны, что я ни разу не задумалась о том, что что-то может пойти не так, как я представляю. Глупая я, конечно, была. Ведь за девять месяцев отношений мы ни разу не поговорили о совместном проживании, нам хватало встреч и свиданий, а я считала, что всё будет после, как только Виталик защитит диплом. И вот тогда мы сразу станем планировать. Возможно, так бы и случилось. Возможно, и он об этом думал, и у него был какой-то

план, ведь я, с его слов, была замечательной, красавицей, любимой девочкой, и у нас всё должно было продолжиться отлично. Мы говорили о его будущем, о моём будущем, радовались друг за друга, а всё остальное должно было получиться само, перетечь из одного в другое, в продолжение отношений.

Мы были прекрасной парой, и мне в голову не приходило чего-то бояться или сомневаться в его отношении ко мне. Мы вместе покоряли Москву, как Виталик любил говорить. Он сам приехал в столицу из Пскова, там жили его родители, и помимо Виталика, у них было ещё трое детей. Поэтому особой помощи и поддержки, по крайней мере, в финансовом плане, ему никто не оказывал. Но он на родных не обижался, и ничего от них не ждал. Как и я. Старались быть взрослыми, и родителей своими проблемами не напрягать и не расстраивать. Настолько, что за месяцы отношений не познакомили друг друга со своими родственниками. Правда, маме я рассказывала про то, что у меня появился молодой человек, и какой он замечательный, но в ответ дождалась лишь предостережений, в плане того, что я ещё достаточно молода, и нужно стараться не терять голову от любви. Лучше сосредоточиться на учебе, раз уж решилась уехать из дома в Москву.

– Не так уж я и молода, – сказала я тогда маме смехом. И напомнила: – В моём возрасте у тебя уже я была.

Мама замолкла, удивлённая, кажется, на самом деле,

не подумала об этом, а после махнула рукой, упорствуя:

– Всё равно, Тома. Какой-то неизвестный парень...

– Они все поначалу неизвестные, – вздохнула я, но при этом смиренно опустила голову. Мне с трудом удавалось скрыть счастливую улыбку.

Лялька заканчивала одиннадцатый класс. Я приехала домой, окончив учебный год, потому что меня позвали на знаменательное событие. Вручение диплома (медали сестренка всё же не заслужила, как выяснилось, никакие выезды на концерты от школы не помогли) и на выпускной. Ляле сшили безумно красивое платье, небесно-голубое с пышной юбкой из тафты. Она выглядела в нём неземной красавицей. Я смотрела на младшую сестру во время примерки, стараясь не обращать внимания на то, как мама кружит вокруг неё, будто заботливая горлица, и старалась радоваться за неё. Я была рада, ободряюще улыбнулась Ляле, которая смотрела на меня восторженными глазами, будто примеряла свадебное платье, и оно решало всю её судьбу. Было заметно, что едва сдерживается, чтобы не начать подпрыгивать. Но портниха всё ещё втыкала в ткань иголки и булавки, и Ляля была стеснена в движениях. Только без конца спрашивала меня:

– Тома, тебе нравится? Правда, красивое?

– Очень, – честно ответила я, всё же почувствовав неприятный укол зависти к сестре. Вспомнился мой выпускной, в честь которого родители выдали мне определённую сумму денег и отправили в магазин за покупками. Моё платье нель-

зя было даже сравнить с тем, что я видела сейчас на Ляле. Но, если честно, в тот момент, выпускной меня не слишком интересовал, больше заботили предстоящие экзамены и факт поступления в институт, и я больше корпела над учебниками и без конца что-то бубнила себе под нос на английском. Всё, что видела, то и озвучивала, тренируя разговорную речь. Поэтому в моей памяти о дне выпускного остались довольно блеклые воспоминания. Помню только, что плакала, расставаясь со школьными друзьями. Мы все жили на одной улице, но было понятно, что вряд ли теперь станем видеться часто, жизнь всех разведёт в разные стороны. Так и случилось. А вот Ляле предстоял настоящий праздник. С поздравительной частью, в которой она, конечно же, будет участвовать, с банкетом в ресторане и развлечениями после.

– Моя дочь заканчивает школу, – вздыхал отец.

Напоминать ему о том, что для него это не первый опыт, я не стала. Сидела в сторонке и согласно кивала. У меня сейчас были поводы для переживаний посерьёзнее, чем Лялькину выпускной. В то время, пока я гостила у родителей, Виталик в Москве защищал диплом. Я специально уехала, решив дать ему возможность спокойно подготовиться, не отвлекаясь даже на меня. Но я переживала, звонила и любимого поддерживала. А он смеялся и говорил, что с такой поддержкой точно со всем справится.

Конечно, он справился. И я прыгала от радости по квартире после его звонка, и обнимала маму и Ляльку.

– Защитился, он защитился!

Ляля счастливо разулыбалась и обняла меня в ответ.

– Я так за тебя рада!

Я обняла её крепко-крепко, наверное, впервые за много лет. Поцеловала и поняла, насколько сильно люблю свою добрую, позитивную сестрёнку, которая видит в жизни и в людях только лучшее, и верит в хорошее.

– Может, твой молодой человек придет ко мне на выпускной? – предложила она. – Ты ведь хочешь его видеть?

– А что родители скажут?

Ляля легко отмахнулась и рассмеялась над моей внезапной стеснительностью.

– Я их уговорю.

Конечно, Ляле они не отказали. Правда, особо довольными не выглядели, приезд незнакомого человека в дом был непривычен, но, видимо родители всё же решили лично познакомиться с Виталиком, думая о будущем. Я краем уха слышала, как они обсуждали это на кухне, да и бабушка настояла на его приезде. Сказала:

– Надо знать, кому мы ребёнка доверяем.

Прозвучало, конечно, немного абсурдно, но родители с ней согласились, и вот Виталик был приглашен в гости. Вначале он крайне удивился приглашению, я даже испугалась, что решит, будто я его на бордаж беру, и поэтому начала рассказывать про Лялькину выпускную, и насколько он для родителей важен. А Ляле будет приятно, если её поддер-

жит больше знакомых и друзей.

– Для неё школа значила куда больше, чем для меня, – сказала я Виталику. – Для неё это целая жизнь. Поэтому всё так помпезно.

– Девочки любят наряжаться, – сказал Виталик в ответ и пообещал: – Я приеду.

Я так волновалась перед его приездом, так переживала. Ляля переживала из-за предстоящего выпускного, а я из-за Виталика. Если честно, не знала, как себя вести и с ним, и с родителями. Даже как представить его – не знала. Вдруг оказалось, что мы с ним очень многого не обсуждали, и я была не готова.

– Ты же понимаешь, что он не может остаться ночевать в нашей квартире, – сказал мне отец. – Придётся ему пожить у бабушки в доме, пока он гостит.

– Может, тогда и я там поживу? – предложила я.

– А ничего, что ты должна быть дома, рядом с сестрой? – удивилась мама. – Или мальчик важнее?

– Он не мальчик, мама, – вздохнула я.

– Тома, нельзя так относиться к родным людям, – настаивательно произнесла она. – Нужно понимать, что для тебя важнее.

Что ответить, я не нашлась. Не хотелось ругаться, что-то доказывать, когда в моей жизни происходило нечто важное.

Виталик приехал утром в день выпускного Ляли. Понятно, что родителям было вовсе не до него. Они были заняты

любимой дочерью, и с раннего утра мама с Лялей отправились делать причёску и макияж. Я же встретила Виталика на вокзале, поцеловала, поздравив с защитой диплома, и мы немного побродили по центру города. А когда приехали в родительскую квартиру, застали там самое окончание сборов. Я только остановила Виталика перед самой дверью в квартиру, удержав за руку. Повернулась к нему, посмотрела в глаза, но прежде чем что-то сказать, перевела дыхание.

Он удивился.

– Что с тобой?

– Страшно немного, – призналась я.

Он улыбнулся.

– Ты меня стесняешься?

– Нет, конечно. Просто моя семья...

– Что с твоей семьёй?

– Они немного странные. Наверное. – Я неловко рассмеялась. – Но у меня очень милая сестра.

– Милее, чем ты?

Я лишь плечами пожала, не зная, что ему сказать. Я рассказывала Виталику о родителях, о Ляле, но без всяких подробностей. И все мои рассказы о сестре зачастую заканчивались словами – «она милая». Я не знала, что ещё сказать. Начать петь дифирамбы, как поступают родители? Что она красавица, умница, очень добрая девочка, и лучше неё, на свете нет? А я немножко не получилась, первый блин вышел комом. Уехав из дома в Москву, я впервые почувствова-

ла себя личностью, самой собой, целой. Без привязки к Ляле. И вот сейчас мои миры собирались столкнуться, и что-то тревожное сосало под ложечкой, какое-то нехорошее предчувствие. И я задыхалась, мучилась сомнениями в последнюю секунду перед тем, как открыть дверь, но Виталик смотрел на меня непонимающе и с ожиданием, и если не сделать следующий шаг прямо сейчас, пришлось бы объяснять своё нежелание, своё бегство...

И я открыла дверь.

ГЛАВА 3

Тот день врезался в мою память. Я многое забыла из того, что было после, свои слёзы, обиду и болезненное, нестерпимое разочарование от понимания того, что человек, которого я так полюбила, вдруг начал отстраняться от меня. Просто потому, что мой образ померк в его глазах. Я помню Лялю в её потрясающем платье, её счастливую улыбку и светящиеся глаза, помню, как она бросилась мне на шею, когда мы с Виталиком вошли в квартиру. А после повернулась к нему, улыбнулась и протянула ему руку в знак знакомства. И помню его, застывшего и вмиг потерявшегося в реальности, в пространстве. Потом он говорил мне, что растерялся, пытался улыбаться, а сам всё смотрел и смотрел на Лялю. Наверное, он даже знакомство с нашими родителями толком не запомнил. А я давила и давила в себе ужас происходящего. Без конца вглядывалась в лицо Виталика, понимая, что он смотрит не на меня. Мне хотелось подойти к нему, встряхнуть хорошенько и сказать:

– Очнись! Ей семнадцать лет, она ребёнок!

А этот ребёнок лучился красивой улыбкой и озарял своим счастьем всех вокруг.

– Я так хотела познакомиться, – говорила Ляля, обращаясь к Виталику. – Так здорово, что ты приехал. Правда, мама?

– Конечно, солнышко. Хорошо, что приехали, Виталий. Вы, наверное, устали с дороги?

– Э-э... Да нет, три часа в поезде – это не слишком утомительно. И обращайтесь ко мне на «ты». А то я себя неудобно чувствую.

– Останешься погостить?

– Нам нужно в Москву, мама, – встряла я, улучив возможность.

А Виталик пожал плечами.

– У меня есть несколько свободных дней.

Эти его свободные дни стали для меня сущим кошмаром. Я понимала, что злиться на сестру у меня повода нет. Ляля всего лишь была Лялей. Улыбающимся, белокурый ангелом. И в свои семнадцать лет ей вряд ли пришло бы в голову уводить у старшей сестры парня. А вот Виталик находился под серьёзным впечатлением. Уходя из дома родителей и отправляясь в дом бабушки, я пыталась переключить его внимание на себя, как обычно брала за руку, пыталась рассмешить, ведь раньше он всегда смеялся над моими шутками, но он будто отстранился от моей реальности, улыбался мне, разговаривал со мной, но совсем не так, как раньше. Мыслями он был не со мной.

Через несколько дней мы всё-таки собрались уезжать. Родители и Ляля выжили нас проводить нас до вокзала, и тогда я впервые заметила взгляд младшей сестры на Виталика. Если до этого она казалась мне беззаботной девочкой, совсем

ребёнком, то на перроне, протянув Виталику хрупкую, бледную руку, она взглянула на него совсем по-другому, с ясным сожалением. И улыбнулась впервые за свою жизнь с оттенком печали.

— Приезжай к нам ещё, — сказала ему Ляля. — Мы все будем очень рады. — А потом она повернулась ко мне, порывисто обняла, а на ухо мне прошептала: — Тома, он классный. Тебе повезло.

У меня внутри всё замерло. Замерзло, застыло, окаменело. Я не знаю, как описать то своё состояние. Я стояла с приклеенной улыбкой и надеялась только на то, что моей выдержки хватит до момента прибытия поезда. Чтобы войти в вагон и уехать прочь, в Москву, и не возвращаться. Это были ужасные мысли, но тогда я, на самом деле, думала о том, что уеду и никогда не вернусь.

Наверное, я совершила ошибку, не попытавшись поговорить с Виталиком. Я испугалась. Я не знала, какие подберу слова, побоялась, что сорвусь на истерический крик, что начну его в чём-то обвинять, а он назовёт меня чокнутой и сумасшедшей. Я и, правда, походила на чокнутую, из-за того сумбура, что творился у меня в голове. Я испугалась и промолчала. Мы приехали в Москву, и я всеми силами пыталась вернуться к прежней жизни, к прежним отношениям, хотя, головой понимала, что у меня не получается. Самой себе напоминала маленькую, суетливую, нелепую собачонку, которая прыгает перед Виталиком, стараясь заглянуть тому в гла-

за, чтобы понять – нравится или нет. Так ли я всё делаю.

– Что у тебя с работой? – спрашивала я, стараясь Виталика отвлечь от мыслей, в которых он витал после возвращения. – Предложения есть?

– Есть. Но мне нужно всё хорошенько обдумать.

– Конечно, – с готовностью согласилась я.

– Наверное, поеду к родителям.

Я после этих слов замерла, ожидая, что он позовёт меня с собой, ведь с моими родителями он познакомился. Но Виталик не позвал. А я снова промолчала, зажав в кулак своё уязвлённое самолюбие. Заставила себя улыбнуться.

– Конечно, съезди.

Я отпустила его. Он уехал на неделю, пару раз позвонил мне из Пскова, узнать, как дела. А у меня не было никаких дел, я ждала его возвращения. Виталик вернулся через неделю, как мне показалось, более успокоившимся и уравновешенным. Сказал, что рассматривает несколько предложений о работе. С дипломом его ВУЗа и его способностями, он мог себе позволить рассматривать и обдумывать чужие предложения, а не бегать самому в поисках работы. Вот только со мной делиться результатами не спешил и советов никаких не спрашивал. На какое-то время наше общение свелось к телефонному. Виталик ссылаясь на занятость, ещё раз съездил навестить родителей, после чего пропал больше, чем на неделю. Я не находила себе места, но названивать ему стеснялась. А когда набиралась мужества и звонила, его

телефон зачастую оказывался выключенным. Мне хотелось кричать и плакать от отчаяния, но я продолжала жить дальше, ходить на работу и заставляла себя сохранять спокойствие. Наверное, ждала, что в один прекрасный день Виталик опомнится, и мой личный кошмар закончится.

– Представляешь, мне предложили пройти практику в тунисском отеле, – сообщила я ему в одном из телефонных разговоров. – Круто, правда?

– Это здорово, Тома, – с воодушевлением согласился Виталик. И с интересом осведомился: – Когда ты уезжаешь?

Вся моя радость мгновенно рассыпалась на мелкие кусочки.

– Перед Новым годом, – ответила я. Не удержалась и спросила: – Ты хочешь, чтобы я уехала сейчас?

– Что за глупости? Просто спрашиваю.

Он замолчал, и я молчала. Понимала, что говорить нам, по сути, не о чем. Когда это случилось? Последние полтора месяца мы виделись с Виталиком от раза к разу, но я продолжала ждать, что всё изменится. Что он по мне соскучится, захочет всё вернуть. Наши бесконечные разговоры, прогулки, смешные перешёптывания. Захочет коснуться меня, в конце концов.

– А что у тебя с работой? – нашла я. Изобразила весёлый смешок. – Выбрал место дальнейшей дислокации?

– Кажется, да.

– Германия?

– Нет, я остаюсь в России. Кое-что поменялось...

– Что?

– Обстоятельства, – туманно ответил он.

Я не выдержала и спросила в лоб:

– Какие обстоятельства, Виталь?

Он тянул с ответом, я даже через телефонную трубку чувствовала, насколько ему неудобно и не хочется со мной об этом говорить.

– Томка, прости, – в конце концов сказал он. И в эти два слова было столько всего вложено, я столько всего услышала, что у меня невольно вырвалось рыдание, а слёзы брызнули из глаз. Я отвела от уха трубку, а Виталика будто прорвало, он говорил и говорил, и я слышала его голос из трубки в отдалении, будто сквозь пелену. – Прости. Мне нужно было время, нужно было подумать. Ты хорошая, ты очень хорошая, но ничего не выйдет. У меня всё поменялось, и я не хочу делать тебя несчастной, заставлять меня ждать. Прости. Я уеду из Москвы, принял предложение о работе в регионе. Так будет лучше. А ты поезжай в Тунис, у тебя всё здорово получается. Ты же так мечтала... Мы потом с тобой обязательно сядем, поговорим, ты мне расскажешь о том, какая ты молодец, и какой я дурак, что не поехал, не ухватился... Но я так чувствую. Знаю, что ты от меня другого ждала. Но я так хочу, чтобы мы с тобой друзьями остались. Обещай, что подумаешь об этом.

Я не смогла ему ответить, выключила телефон, и после

долго сидела в одиночестве, прижавшись к стене, глотая слёзы и не понимая, что мне делать дальше. Делать ничего не нужно было, лишь встать завтра по будильнику, как обычно, и отправляться на работу. А вечером домой. Через две недели начнётся новый учебный год, а перед новогодними праздниками, в самый разгар сезона, я отправлюсь в Тунис. Набираться опыта на практике. Потрясающая возможность, отличное предложение. Но меня ничто не радовало.

Я очень болезненно переживала наш разрыв. Ведь, по сути, отношения с Виталиком были для меня первыми столь серьёзными, с ним у меня было связано много планов и надежд. Возможно, большинство из них я придумала себе сама, влюбившись и с головой окунувшись в романтизм, но разве это было преступлением или такой уж большой глупостью? Любовь для того и придумана, чтобы человек из своих серых будней погружался в розовый, приятный туман. Более трезвые личности учат не терять головы, любить себя, но мне порой кажется, что говорят это те, кто ничего подобного в своей жизни не испытал. Те, кто себя, на самом деле, любит куда больше, чем способен полюбить другого человека. Я же опытным путём выяснила, что, при всём своём жизненном прагматизме, трезвой личностью не являюсь. Влюбилась, так влюбилась. И факт того, что мечтам и желаниям любимого мною человека не соответствую, мне было принять очень трудно.

Мы выбираем, нас выбирают... Меня не выбрали. Но са-

мое ужасное прозрение посетило меня позже. На какое-то время после нашего расставания с Виталиком, я ушла в себя. Не хотела ни с кем общаться, что-то обсуждать, только бабушке звонила, но о своих переживаниях старалась не рассказывать, не желая её тревожить глупыми юношескими проблемами. Ведь в жизни столько всего ужасного, и неудачи в любви на фоне болезней, смертей и других катастроф судьбоносного масштаба, на самом деле, кажутся чем-то незначительным. Что вполне возможно пережить. Я очень старалась пережить, взяла дополнительные смены на работе, и до начала учебного года дома появлялась только для того, чтобы переодеться и иногда переночевать. И не выпускала из рук телефон, всё ждала, ждала, что Виталик позвонит. Но он не звонил, даже для того, чтобы поинтересоваться, как у меня дела. А потом случилось то, что случилось. Приближался день рождения Ляли в середине сентября, ей должно было исполниться восемнадцать лет. И я собиралась поехать к родным, чтобы поздравить сестру, но для начала решила позвонить маме, чтобы выяснить, какие у них планы на предстоящие выходные.

– Конечно, будем праздновать, – удивилась мама в ответ на мои невразумительные расспросы. – Ты приедешь?

– Да, конечно. Хотела посоветоваться с тобой насчёт подарка.

– Ты приезжай, а насчёт подарка подумаем позже. Единственное, Тома, тебе придётся пожить у бабушки, а не дома.

Дома будет неудобно.

– Почему неудобно?

Мама примолкла, странно замялась и вдруг выдохнула мне в трубку невероятную информацию, при этом таинственно понизив голос:

– Тома, Ляля выходит замуж.

Я как стояла у стойки ресепшена, так и опустилась на стул, хорошо он оказался поблизости. В моей голове никак не могла уложиться мысль, что моя младшая сестра, наша воздушная, наивная Ляля может собраться замуж, по сути, в семнадцать лет.

Я даже переспросила:

– Как это – замуж? С какой стати?

– Ну, с какой? – Мама вздохнула, если честно, особо воодушевлёнными её голос и реакцию нельзя было назвать. – Вот такая любовь.

– Мама, да какая любовь? – изумилась я. – Она же ребёнок совсем!

– В том-то и дело, что ребёнок, – проговорила мама скороговоркой, с намёком на возмущение. – Дел уже натворили, пришли, говорят – женимся. И что нам с отцом делать?

– Каких дел натворили? Она что, беременна?

– Возможно, – уклончиво проговорила мама. – Даже выяснять сейчас не хочу. А отец и подавно. Но пришли, говорят, любовь, женимся, на всю жизнь. Ну, что мы сделаем, Тома? Пусть женятся. Он хороший молодой человек, об-

разованный, воспитанный, будем надеяться, что надёжный. А у Ляли так глаза горят, ты бы видела!

Информацию про горящие глаза Ляли я пропустила мимо ушей. Меня интересовало другое.

– Откуда взялась любовь? Я же приезжала на выпускной, и Ляля мне ничего не говорила, ни про какого мальчика.

Мама снова непонятно почему замялась.

– Видимо, тогда всё и случилось, познакомились... Тома, сейчас это уже неважно. Главное, что Ляля счастлива.

Я молчала, мне показалось, что довольно долго. После чего сказала, не в силах избавиться от скептицизма.

– Я рада, что Ляля счастлива. Но ей нужно в институт поступать, ты не забыла? Она поступила?

– Поступила, конечно, – вроде как обиделась за любимое чадо мама. – Но она хочет взять академический отпуск, всё-таки нужно готовиться к свадьбе, налаживать семейную жизнь. А вдруг ребёночек?

Всё, что мама мне озвучивала, если честно, не укладывалось у меня в голове. Попросту не умещалось.

– Мама, какой ребёночек? Она сама ещё ребёночек. Это же Ляля! Вы там с ума все посходили, что ли?

Вот и не звони домой две недели. Мир вверх тормашками перевернулся.

Чтобы хоть что-то выяснить и понять, я позвонила бабушке. Но, конечно, она никакой интересной информацией не располагала. Её, как и меня, лишь поставили в извест-

ность о том, что Ляля совершенно неожиданно собралась замуж. В один день, взяла и решила.

— А ты видела её молодого человека? — спросила я. — Мама прямо дифирамбы ему петь готова.

— Да кто же меня с ним познакомит? — вздохнула недовольная бабушка. — На свадьбе, наверное, увижу. Если, вообще, позовут. Дело-то, сама понимаешь, семейное.

— Бабушка, ну что ты? — попыталась я унять её беспокойство. — Уверена, они все просто с ума сошли из-за этой идеи, вдруг выдать Лялю замуж. Помню, меня родители без конца предостерегали, чтобы я не вздумала ни с какими парнями связываться, что надо учиться и жить самостоятельно, а тут... Я в шоке.

— Так то ты, — не удержалась бабуля. — Для тебя жить самостоятельно — это учиться и работать, а Лялька наша какую работу себе найдёт? Её только в замуж. Может, и права Антонина? Пристроить, раз желающий нашёлся, и жить спокойно.

Я невольно усмехнулась.

— Бабуль, родители никогда не смогут жить спокойно без Ляли. У них лишь появится ещё один член семьи. Остаётся надеяться, что приличный, а не какой-нибудь малолетний остолоп.

Если бы я знала, о ком говорю. Наверное, если бы знала, не поехала бы домой, не собралась бы за один день, выпросив на работе лишний выходной. Но я выпросила и поехала,

успокаивать свою разгулявшуюся фантазию. И как в плохом кино, у подъезда родительского дома столкнулась с Виталиком. Мы натолкнулись друг на друга в дверях подъезда, он собирался выходить, и я, остолбеневшая, смотрела на него, совершенно потерявшись в понимании происходящего. Он тоже смотрел на меня, выглядел смущённым и растерявшимся, а я таращила на него глаза, после чего начала хмуриться. Потому что в моём сознании мелькнула мысль, от которой мне стало не по себе, затем похолодело всё в душе, но эта мысль всё ещё казалась настолько невероятной, настолько неприемлемой, что мне хотелось лишь покачать головой и запретить себе об этом даже думать.

– Что ты здесь делаешь? – всё-таки спросила я его. И следом повторила вопрос, чувствуя, что вот-вот сорвусь на истерический крик: – Что ты здесь делаешь?

Виталик вдруг схватил меня за руку. Сильно и решительно. И втянул меня за собой в подъезд, мы замерли в предбаннике между дверями, практически в полной темноте, и всё, что я чувствовала, это знакомый аромат одеколона, как сильно колотится моё сердце от страха и непонимания, точнее, полного неприятия ситуации, а ещё руку Виталика, которая крепко сжимала моё запястье. И все эти ощущения вместе наваливались на меня, окутали, и я будто парила в вакууме, понимая, что задыхаюсь от желания закричать, но кричать мне было нельзя. Я даже не сразу сообразила почему, просто знала, что нельзя, и лишь спустя минуту поняла, что это бы-

ли те самые первые слова, которые мне Виталик сказал.

– Только не кричи. Нельзя.

Я стояла и таращила глаза в темноту. А в них будто песка насыпали. Я даже моргнуть не могла.

И понимала, понимала, что все ужасные предположения, что несколько минут назад будто вихрь пронесли у меня в голове, всё это правда. И я не знаю, как теперь жить.

Почему никто не подумал, как мне теперь с этим жить?

– Как ты мог? – вырвалось у меня. – Господи, Виталик, она же совсем ребёнок... Как ты мог?

– Я её люблю. Понимаешь? Я люблю её. Как увидел, так и понял... – Он наконец отступил от меня, и я покачнулась в темноте, лишившись точки опоры. – И я не сделал ничего плохого... ей. Как можно? Она самая прекрасная, самая замечательная. Она ангел, Тома. Её можно только любить и беречь. И я всю свою жизнь буду это делать.

Моя рука поднялась, и обхватила горло, потому что мне трудно было дышать. И я не знала, что с этим сделать и как мне спастись от удушья. Хотелось кричать, а воздуха не хватало даже на банальный вдох. Наверное, в этот момент я была похожа на рыбу с выпученными глазами, которая только таращилась в ужасе в пустоту и хватала ртом воздух, которого не было. Хорошо хоть было темно, и Виталик этого наблюдать не мог. Для него я лишь мрачно молчала, и тогда он снова ко мне шагнул, схватил за плечи и даже притянул к себе в попытке обнять. И лихорадочно зашептал мне на ухо:

– Тома, пожалуйста, пожалуйста, прости меня. Но я ничего не мог сделать. Я виноват, мне не хватило смелости тебе признаться. Я очень тобой дорожу, ты... столько сделала для меня, так поддерживала последний год. Если бы не ты, мне было бы куда труднее. Но она... Ты же знаешь, ты же с ней всю жизнь прожила, ты должна меня понять.

Я стояла, зажмурившись, и горячо дышала в его плечо. Всё, что Виталик говорил, расходилось обжигающими волнами по моему сознанию. А после его слов о том, что я как никто должна его понять, мне захотелось рассмеяться. Даже не истерическим смехом, а тем зловещим неприятным роко-чущим звуком из фильмов ужасов.

Я должна понять... должна понять, что Лялька, в отличие от меня, идеал.

Я должна это понять.

– Я постарался поступить честно. Знаю, что получилось плохо. Но я пытался, я не знал, как расстаться с тобой. Чтобы ты меня не возненавидела. Ведь мы... Мы будем общаться дальше.

Конечно, ты же станешь мне родственником. Зятем.

Виталик обречённо выдохнул.

– Ты можешь меня ненавидеть. Имеешь на это полное право, я знаю. Но, пожалуйста, не вини её. Ляля очень переживает. А ей нельзя.

– Что значит – нельзя? – выдавила я из себя. Мой голос прозвучал на удивление хладнокровно. Будто даже зве-

нел. От негодования. Хотя, никакого негодования, злости, я не чувствовала. Мне просто было безумно больно, где-то в районе сердца, словно во мне дыра насквозь. Меня знобило.

Виталик не нашёлся, что мне ответить, или не набрался смелости. Просто повторил:

– Ей нельзя. Волноваться.

И после этого мне нужно было переступить порог родительской квартиры, и, наверное, делать вид, что всё хорошо, что я ничуть не сбита с толка, не расстроена, не чувствую себя преданной, а наоборот, всех на свете люблю. Мне нужно было поступить, как Ляля. Верить в лучшее. А перед глазами туман и в голове полная сумятица. Я поднималась по лестнице на третий этаж, и раза три за это время обернулась на Виталика, который шёл за мной следом. Оборачивалась на него, будто ждала, что вот сейчас я пойму, что всё мною услышанное – это не более, чем неудачная шутка. О какой свадьбе речь? О какой любви? О каком «нельзя волноваться»? Это же Ляля. Ляля, которая, по моим понятиям, ещё долго, если не всю жизнь, будет оставаться наивным, восторженным ребёнком. А Виталик – мой Виталик! – идёт за мной с вымученным видом, напряжённый и виноватый, и пытается объяснить мне, что он этого ребёнка, эту девочку любит и боготворит. Как женщину.

– Смотрите, кого я встретил! – объявил он от порога. Моим же родителям объявил о моём приезде, будто я здесь чу-

жая. И я, словно и правда чужая, остановилась в прихожей, понимая, что больше не могу и шага сделать. Что моё тело отяжелело и стало неповоротливым, и, если колени сейчас подогнутся, я рухну на пол и тогда точно завою от отчаяния и бессилия.

– Тома, ты приехала! Как замечательно! Мы тебя вечером ждали, к ужину. – Мама выглянула из кухни, руки у неё были в муке. Она глянула на меня совершенно спокойно, без всякого намёка на беспокойство или неловкость. Даже улыбнулась, и позвала: – Ляля, Тома приехала!

Я смотрела на мать в упор, ожидая от неё чего-то, хоть какой-то эмоции, что она понимает, насколько я разбита и ошарашена, но мама улыбалась и рассказывала о рыбном пироге по новому рецепту, который взялась печь.

– Ты же любишь рыбу, – сказала она мне. – Я решила тебя побаловать.

Я с трудом сглотнула. Ощущение, что гланды в момент распухли и сдавили горло.

Ляля вышла из комнаты, увидела нас с Виталиком в коридоре, и в первое мгновение замерла в нерешительности. Переглядывалась с женихом, я отлично это видела, смотрела на сестру и глаз не могла оторвать от её лица. Такого прекрасного, такого юного, такого знакомого до каждой черточки. В тот момент я, наверное, впервые подумала о том, что ненавижу её. Ненавижу всей душой, именно за её чистоту, за ту наивную бездушность, с которой она отобрала у ме-

ня человека, которым я так дорожила. Присутствие которого в своей жизни так ценила. А Ляльке снова всё досталось просто так, за безумно красивые глаза.

– Я пойду, – услышала я за своей спиной голос Виталика, – я в магазин собирался. Я быстро вернусь, – добавил он, судя по всему, для Ляли, которая продолжала стоять передо мной и несмело переминаться с ноги на ногу. Я услышала звук щёлкнувшего замка, ручка повернулась с небольшим скрежетом, а спустя секунду входная дверь мягко закрылась.

– Тома...

Голос Ляли прозвучал чуть слышно и умоляюще. Я продолжала стоять, оцепеневшая, посреди прихожей, если честно, не зная, что делать, а сестра подошла, вглядывалась в моё лицо, после чего обняла. Приподнялась на цыпочки, обхватила руками мои плечи и прижалась, по крайней мере, попыталась. И зашептала мне на ухо:

– Томочка, Томочка, прости меня. Я ужасная, я предательница, я знаю. Но я так его люблю. Прости нас, пожалуйста. Ты ведь простишь, правда?

Я молчала. Просто не могла ничего сказать. Мне казалось, что если я произнесу хоть слово, если найду это слово для сестры, для Виталика, для родителей, у которых, судя по всему, всё хорошо, то пути назад для меня уже не будет.

Мама снова из кухни выглянула, увидела нас с Лялей, стоявших в обнимку, точнее, то, что она висла у меня на шее, и улыбнулась. Едва ли не руками в умилении всплеснула.

– Соскучились? Тома, тебе нужно приезжать чаще, а не раз в три месяца. Ляля без конца о тебе говорит.

Я, наконец, смогла сделать вдох, и будто ожила в этот момент. По крайней мере, в голове, как мне показалось, что-то лопнуло. Взорвалось, и перед глазами встал туман. Я поняла, что я переполнилась злостью, до краёв. Поторопилась сделать шаг назад, и Ляле пришлось опустить руки.

– Я поеду к бабушке, – сообщила я, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

– Томочка, ты злишься?

– Она не злится, Ляля, – успокоила сестру мама, прежде чем я успела что-то сказать. – Она просто устала с дороги, и Томе, правда, лучше поехать к бабушке. Зачем столько людей в доме. Мы завтра встретимся и всё обсудим. Правда, Тамара?

Я лишь кивнула, развернулась и буквально выбежала за дверь. Почувствовала огромное облегчение, оказавшись в подъезде.

Странно, но я даже не плакала. На дорогу за город, до бабушкиного дома, у меня ушло больше часа. Я будто оглушённая садилась и выходила из автобуса, ждала следующего на остановке, потом сидела, прижавшись виском к холодному стеклу, и, кажется, даже ни о чем не думала. И только когда увидела бабушку, разрыдалась. Только помню, как спрашивала ту раз за разом:

– За что? За что так со мной?

Ответа ни у кого не было. Бабушка могла лишь жалеть меня, гладить по голове и обещать, что всё наладится. Однажды всё обязательно наладится. Весьма расплывчатое, неопределённое обещание.

Вечером приехали родители. Одни, без Ляли. Я сидела в саду и слышала их голоса, как они разговаривали с бабушкой. Та негодовала, называла дочь и зятя бездушными, а мама с ней, кажется, спорила. Папа, как всегда, предпочёл отмолчаться. Мне не хотелось с ними разговаривать. Мне даже не было интересно, что за разговор ведётся на кухне. Я и без того всё знала. А позже мама вышла ко мне в сад, одна. Прошла к беседке, в которой я сидела, и присела рядом. Начать разговор не торопилась, разглядывала что-то вокруг, но на меня не смотрела. То ли желания не имела объясняться, то ли смелости не хватало. Я тоже молчала. О чем я могла ей поведать? О своих обидах? Вряд ли ей было интересно. Что она вскоре и подтвердила своими первыми словами:

– Ты должна понять, – сказала она.

Я повернула голову, посмотрела на неё.

– Что я должна понять?

– То, что от тебя уже ничего не зависит. Никто не виноват, Тома, что так случилось. Они любят друг друга. И это ты должна понять.

Я сжала руку в кулак, смотрела в сторону и глотала слёзы обиды. Но сжимание кулаков не помогло, и я всё же высказала маме то, что клокотало у меня внутри.

– Почему я опять должна что-то понимать? А кто поймёт меня? – Я повернулась к матери и с претензией проговорила: – Неужели ты не могла меня предупредить? Ты же звонила, рассказывала о свадьбе! И не могла меня предупредить, чтобы я не упала в обморок, когда узнала всё на пороге квартиры!

Мама недовольно поджала губы, вскинула подбородок, отгораживаясь от моих обвинений. И только сухо попросила:

– Не кричи, пожалуйста.

– А я хочу кричать, – воспротивилась я. – Хочу кричать. Потому что у меня отобрали то, что было моим, что я любила и в чём нуждалась!

– Ты говоришь совершеннейшие глупости, – укорила меня мама, не повышая голоса. – Нельзя отобрать то, что тебе не принадлежит. Разве у Виталика нет права голоса, и он не может сам сделать выбор? Он его сделал, он очень переживал, мы все это прекрасно видели. Как он мучился. Но он пришёл к Ляле и к нам, и честно сказал, что любит её. Что я должна была делать? Зная, что у вас с ним всё равно ничего не выйдет? Тома, – в мамином голосе проявилось участие, по крайней мере, попыталось пробиться наружу, – я знаю, что тебе больно и обидно, но никто не виноват в том, что всё так сложилось. А Ляля...

– Ляля – ребёнок, – перебила я её. – И ей надо учиться и пытаться жить самостоятельно, а не выскакивать замуж за первого, кто её догадался поцеловать. Тебе так не кажет-

ся?

Мама отвернулась, недовольная моими словами и тоном. Помолчала, после чего проговорила:

– Для этого уже поздно. Или ты думаешь, мы с отцом сильно обрадовались, когда всё вскрылось? Они почти два месяца тайком встречались. Как оказалось, Виталик уже некоторое время здесь, квартиру снимает. Ты же тоже не рассказала, что вы с ним расстались.

– Потому что мы не расставались, – разозлилась я. – Он говорил мне, что ездит к родителям. А ездил к ней. К нашему невинному ангелочку!..

– Тома!

– Что? Я имею право злиться!

Мама аккуратно выдохнула.

– Может быть, и имеешь. Это самое право. Вот только сделать уже ничего не можешь. Ты должна отпустить, и его, и ситуацию. А если не можешь, возвращайся в Москву. Конечно, мы все расстроимся, Ляля особенно, но лучше не мучай ни себя, никого другого.

Я снова от неё отвернулась, сидела, обхватив себя руками за плечи и трясась, от бессильной злости меня бил озноб. А мама вдруг коснулась моего плеча рукой. Погладила и позвала:

– Тома, это просто был не твой мужчина. Такое бывает. Ты обязательно встретишь своё счастье.

Она повторяла бабушкины слова, но маме мне хотелось

сказать совсем другое. Сказать, что дело совсем не в мужчине. Мужчин, на самом деле, в моей жизни ещё будет много. Или немного, но они, наверняка, будут, а вот семья у меня одна. И моя семья в очередной раз просит меня подвинуться и не задавать лишних вопросов. Просто улыбаться.

Но я в который раз трусила. Как трусила до этого, и трушу до сих пор, когда дело касается моей семьи. Не понимаю, откуда берётся этот страх, раз я всё могу сама, с раннего детства я научилась всё делать сама, думать и заботиться о своих интересах сама, и никогда у родителей помощи и поддержки не просить. Или просить по самому минимуму. Но когда дело касается решения развернуться и уйти, и дальше жить самой по себе, меня каждый раз останавливает страх, который не поддаётся анализу и пониманию, по крайней мере, с моей стороны. Меня всегда непреодолимо тянет приехать домой, посмотреть на всё своими глазами, в который раз разочароваться, а, по сути, понаступать на те же грабли, которыми я вечно получаю по лбу, и, получив какое-то извращённое удовлетворение от этого, вернуться в свою жизнь. В которой никому из родственников до меня нет дела. Мама и папа живу в уверенности, что у меня всё хорошо. А, возможно, если я ни на что не жалуюсь, то и замечательно. Это самое главное для них, чтобы не отвлекаться на старшую дочь от любимой младшей.

Десять лет назад я поступила также. Я уехала, решив больше ни с кем не встречаться, Виталика я точно видеть не же-

лала, как ни страдала и ни грустила по нему. Я вернулась в Москву, и все свои слёзы обиды вылила там в подушку. Была уверена, что никогда и ни за что не вернусь, чтобы не видеть и не знать. Но уже через неделю мне начала звонить Ляля, она плакала, переживала из-за того, что я уехала, не поговорив с ней, клялась, что она не специально, что не хотела причинять мне боль, ведь я такая хорошая, а она, как оказалось, плохая сестра. Ляля со слезами называла себя плохим человеком, я слушала её рыдания в трубку, и в какой-то момент поняла, что сдаюсь. Мне нечего было сказать ей в ответ, я не могла заставить себя обвинить в чём-то сестру, ведь для меня она всё ещё была ребёнком. И, честно сказать, винила в случившемся я Виталика, которому вдруг сорвало крышу, и он закружил голову молоденькой девочке своей взрослой любовью, отношениями, а теперь ещё предстоящими взрослыми заботами. Дату свадьбы назначили на конец октября, и к тому моменту я уже знала, что Ляля с Виталиком ждут ребёнка, и каждая мысль об этом, каждое упоминание, отзывалось в моей душе жгучей обидой. На него. А ещё на родителей, которые, мало того, что допустили подобное, так ещё находят повод чему-то радоваться и с воодушевлением готовятся к предстоящей свадьбе. Для меня их поведение, их настрой, были чем-то неправильным. Я бы больше порадовалась за Лялю, если бы она сделала хотя бы одну попытку начать самостоятельную жизнь. А сестра, кажется, и не собиралась этого делать, переходя из-под опеки родителей под

опеку мужа. Который любил, который боготворил, который дышал над ней и будущим ребёнком. Ляле ни к чему было становиться взрослой, и, судя по её разговорам и безутешным слезам, делать она этого и не собиралась.

Я поддалась на её слёзы. Сжала зубы, сжала кулаки, собрала всю волю, что у меня оставалась, в кулак, и приехала на свадьбу. Даже подарок им купила, кухонный комбайн. Мне понравилось, с какой скоростью он всё режет и кромсает, на мелкие кусочки, а порой в кашу, стоит только кнопку нажать. Я долго стояла перед демонстрационным столом в магазине и наблюдала за этим процессом. А потом сказала: – Беру.

Ляля безумно обрадовалась моему приезду, кинулась мне на шею, целовала, обнимала, снова что-то шептала мне на ухо, какие-то обещания и слова прощения, а я лишь сдержанно улыбалась. Родители же меня похвалили, отведя на кухню. Папа, кажется, выдохнул с облегчением, а мама открыто похвалила.

– Молодец, что приехала, – сказала она. – Мы же одна семья. Ты платье купила? Красивое? Какого цвета?

Для меня те два свадебных дня прошли в странном оцепенении. Я что-то делала, о чём-то разговаривала с родственниками, которых не видела месяцы, а некоторых и годы. Они все были приглашены на свадьбу. Познакомилась с родителями Виталика, с его братьями и сестрами, и это знакомство снова отдалось в моей душе болью, но отдалённой. Я ведь по-

клялась себе, что все разочарования и слёзы оставлю на потом. Правда, наотрез отказалась ехать в загс, а уж тем более стоять рядом с Лялей в качестве свидетельницы. Это была мамина идея, наверное, она хотела настолько втянуть меня в процесс, чтобы я потом не говорила, что меня обманули или заставили. В загс я не пошла. Просто отстала от толпы гостей, осталась на улице, решив, что и без меня отлично обойдутся. Но меня, по всей видимости, хватились, вскоре отец вышел на улицу, принялся оглядываться, а я стояла в сторонке и курила. Мы с ним встретились взглядами, после чего я отвернулась, и тогда он ушёл. Ничего не сказав и решив ко мне не подходить. Даже про сигарету в моей руке я не услышала от него после ни слова, никогда. Хотя, больше при родителях никогда не курила, но в тот момент мне было всё равно, и, наверное, моё равнодушие было написано на моём лице крупными буквами, и отец решил оставить меня в покое.

Меня, вообще, решили оставить в покое. После Лялькиной свадьбы с Виталиком прошло много лет, но с тех пор я не слышала от родителей ни одного вопроса в мой адрес, они никогда не интересовались моей личной жизнью, у них не возникало интереса, встречаюсь ли я с кем-то, собираюсь ли замуж, хочу ли детей. Никакие щекотливые, спорные темы также в родительском доме не поднимались, будто мы все жили идеальной, розовой жизнью без всяких проблем и противоречий. Все предпочли забыть о том, что ко-

гда-то мы с Виталиком были вместе, что любили друг друга (как бы!), что я мечтала и даже собиралась, пусть лишь в своих планах, за него замуж, и у нас могла быть семья, могли быть дети. Он сам, родители и Ляля будто забыли об этом, перечеркнули прошлое, и меня принимали в родительском доме, как гостью, но не более того. Я понимала, что мама намеренно старается сохранять дистанцию между мной и семьёй младшей сестры, Ляля перестала откровенничать со мной, это как бы само ушло из нашей жизни. Родители объясняли это моим вечным отсутствием, работой и занятостью, но я знала, что дело в другом. Сестра любила меня, но все остальные переживали из-за того, что наступит острый момент, в который я могу забыть о своём добром отношении к ней и что-то сделать или сказать, что всерьёз её расстроит. Меня считали злопамятной. Не считали доброй, чистой и безупречной, как Лялю. Лялю от меня следовало оберегать. А мне следовало молчать и улыбаться, ни в коем случае не упоминая о прошлом. Меня с Виталиком не было, этот факт попросту вычеркнули из истории. Всем друзьям и родственникам неизменно рассказывалась история о том, как Виталик увидел будущую жену, такой молоденькой и прекрасной, влюбился и женился. А где и как он увидел, и что после этого произошло, какие события – огласке не подлежало. У моей младшей сестры была идеальная семья. Хороший муж, двое прекрасных детей, она сама вся сосредоточена на семье. Это и работа, и жизненный опыт,

заменивший ей учёбу и высшее образование. В институт она так и не вернулась, была слишком поглощена прекрасным настоящим, в котором муж её боготворил и носил на руках, в котором ей не нужно было вникать ни в какие проблемы.

– Тома? У Тома всё очень хорошо, – обычно говорила мама, когда кто-то из знакомых начинал задавать вопросы о старшей дочери. – Она делает карьеру, объездила уже, наверное, полмира. Её очень ценят на работе. Конечно, она звонит и приезжает по возможности. Они с Лялей в отличных отношениях.

Я много раз говорила себе, что мне не стоит идти у родителей на поводу и приезжать к ним в дом лишь для того, чтобы создавать видимость идеальных семейных отношений для окружающих. Каждый визит давался мне невероятным трудом. И дело было не в том, что я всё ещё ждала, надеялась и верила в какие-то изменения. В чём именно эти изменения могли выражаться? После десяти прошедших лет глупо было думать, что Виталик поймёт, какую боль мне причинил. Он не думал о моей боли, давно не думал о своём поступке, у них с Лялей любовь и двое детей, для него это перевешивало любую чашу весов, даже если на одной из них лежали моя гордость и растоптанное самолюбие. Скорее всего, Виталик вообще не вспоминал обо мне в моё отсутствие, они с Лялей жили в непонятной для меня эйфории. Упускали возможности, шансы, лишь ради того, чтобы проводить такие выходные, как эти. На даче, с детьми и родителями, не задумыва-

ясь о чем-то меркантильном и прагматичном. Я порой наблюдала за Виталиком со стороны, слушала его речи и рассуждения, и понимала, что не узнаю в нём того перспективного, энергичного молодого человека с большим будущим, которое ему обещали все вокруг, и за шанс на которое он готов был ухватиться. Куда всё это пропало? Когда и почему?

Я всё ещё чувствовала некоторый трепет в его присутствии. Когда мы оказывались наедине, и он улыбался, как когда-то, или невольно понижал голос, и он становился низким и рокочущим, на меня накатывала волна воспоминаний, от которой становилось жарко и неудобно. И я почему-то всегда думала о том, что передо мной муж моей сестры. И я начинала чувствовать себя виноватой.

Я. Чувствовала. Себя. Виноватой.

Мне было жаль его упущенных возможностей, было жаль не свершившегося будущего. Иногда хотелось подойти к Виталику и встряхнуть того. Напомнить, как он не хотел блеклого, мещанского бытия, в котором неожиданно погряз, женившись. Но при этом выглядел довольным и счастливым. Значит, врал? Мне или самому себе? Или любовь всё расставила по своим местам?

Незадолго до своей смерти, бабушка, наблюдая за моими очередными душевными муками, сказала интересную вещь, которую я запомнила. Одним любовь даёт крылья, чтобы взлететь повыше, а другим камень на шею, чтобы спустить на землю. Виталик оказался из вторых.

– А тебе крылья нужны, – сказала мне бабушка. – Ты по-другому жить не умеешь. Поэтому у вас ничего и не вышло. Ты другая.

Я тогда печально улыбнулась.

– Я думала, что ангел у нас Ляля.

– Она не ангел, – вздохнула бабушка. – Она выпестованный ребёнок. Она не умеет жить одна. Она тот самый камень у Виталика на шее, но он этому камню рад. У каждого свой крест. Слава богу, он не твой. – Она тогда ткнула в меня ослабевшим артритным пальцем. – Твой крест – обида. Пока не отпустишь обиду, будешь одна. Будешь мучиться. Запомни, Тома, запомни и сделай что-нибудь с этим.

Вскоре бабушки не стало, а я вот уже четыре года вспоминаю её слова. Вспоминаю её голос, то, как она гладила меня по волосам, когда я плакала, и целовала в лоб на прощание, будто благословляла, особенно, когда я уезжала далеко. Мне этого безумно не хватает. И я живу с теми её словами, с желанием что-нибудь со своей обидой сделать, но пока никак не получается. Успокаиваюсь только наедине с собой, но стоит оказаться рядом с семьёй, в моей душе будто демон поселяется. Хочется спорить, противостоять, объяснить, что жизнь – это не только дорога от городской квартиры до деревенского дома. Мир ведь он такой огромный, и хотеть чего-то большего – это нормально. О чём-то мечтать, что-то строить и созидать, даже зарабатывать деньги, стараться ради этого, работать по четырнадцать часов ради результата –

это нормально. Но я заставляла себя молчать, понимая, что слушать меня никто не станет. Я для них другая, непонятная, ставшая почти чужой. Моя жизнь для них странна, но родители не вмешиваются и не дают наставлений, я давно смирилась с тем, что им куда проще и спокойнее, когда я далеко, сама по себе. А я, редко, но всё же пытаюсь представить себя на месте сестры. В желании узнать, каково это – быть всегда и всеми любимой, и от этой самой любви беспомощной. Зато рядом с Лялей любимый мужчина, готовый ради неё умереть. У меня такого никогда не было, никто никогда не хотел ради меня умереть. Я всегда была способна вытащить себя и близкого человека из беды и неприятностей. И умирать поводов не видела, даже из-за любви. Мне всегда хотелось жить, дышать полной грудью, а обида и непонимание мешали, и от этого груза очень хотелось избавиться. Но вместо этого я продолжала ездить к родителям и наблюдать за чужой жизнью, переживать из-за чужих решений. Которые ко мне не имели никакого отношения.

Может, на самом деле, взять и уехать опять. Подальше. Туда, где буду я и только я.

Опять одна.

ГЛАВА 4

Уехать далеко не получилось, я больше размышляла об отъезде в последний год. Раздумывала, сомневалась. Дала себе время до окончания выплаты ипотеки, до начала следующего лета. А пока, чтобы спастись от ненужных раздумий, решила уехать ненадолго в столицу. Через день в главном отеле сети должны были начаться тренинги для персонала, список участников от нашего отеля я выслала ещё неделю назад, кстати, он был довольно коротким, в списке было всего три фамилии, и сама в Москву я не собиралась. Было достаточно того, что с двумя новыми сотрудниками отправится Люба, которая, без сомнения за всеми присмотрит. Но мне вдруг стало настолько невыносимо просыпаться по утрам в квартире одной, что я решила составить сотрудникам компанию. К тому же, я любила тренинги, мне интересно было наблюдать за людьми, за их поведением, а порой появлялись достаточно интересные ведущие, и получаемая информация, на самом деле, привлекала моё внимание целиком и полностью. В туристической сфере так быстро всё менялось, внедрялось столько новшеств, в том числе, и технологических, что необходимо было всегда быть в курсе происходящего. А лучше – наступающего на пятки прогресса. Да и по магазинам пройтись не мешало, устрой себе небольшой шопинг, позвоню паре московских подружек, и, наде-

юсь, перестану думать о том, что наговорила за ужином в родительском доме. Перестану ругать себя за то, что снова полезла не в своё дело.

Сеть наших отелей была международной. Если честно, когда меня пригласили на практику в Тунис, я не задумывалась о принадлежности отеля к какой-то сети, о глобальности и разносторонности бизнеса. Я была лишь студенткой, с ворохом личных проблем и переживаний, и отъезд в Африку был для меня психологическим выходом из маленького мирка, из которого, казалось, не выбраться. А тут новая страна, солнце, море, новые впечатления. Я даже не надеялась, что меня и мои ежедневные старания за стойкой ресепшена кто-то заметит, и решит дать мне следующий шанс. Потом ещё один. За десять лет я успела поработать в трёх разных гостиничных сетях, причём одна из них к России не имела никакого отношения. Но я и там выжила, хотя, пришлось приноравливаться и маневрировать между чуждым мне менталитетом и воспитанием. Потом меня снова пригласили в «Amaks Luxury Hotels», с явным повышением в должности и окладе, и я отправилась поначалу в Испанию, где прожила около года, а затем в Хорватию, развивать новый отель. И уже оттуда вернулась в Россию, в родной город, буквально ухватившись за эту возможность. Наш отель был седьмым по счёту, что открылся в городах России в рамках международной сети, первым в Золотом кольце. Я считала, что на меня возложили достаточную ответственность. На-

деялась, что меня считают достаточно ценным работником и специалистом, раз позвали обратно и доверили развитие нового отеля с нуля. Ни в какой совет директоров я, конечно, не входила, даже рядом никогда не стояла, но на общие собрания руководства меня регулярно приглашали, и в селекторных совещаниях с директорами я не раз участвовала. Готовилась, порой даже репетировала речи, подбивала цифры и вносила, как мне казалось, разумные предложения. Лично из всего руководящего состава я знала только директора по развитию сервиса в России. С Игорем я была знакома ещё с Туниса, он тогда приглядывался к персоналу и набирал новый штат, но никаким директором ещё не был. Сам лишь пару лет назад получил образование, и, как и я, начинал с самых низов. Так что, мы с ним друг друга уважали, а он ещё и помогал мне, то делом, то советом.

Ладно, раз уж быть честной, то буду честной. Когда-то Игорь стал для меня тем, кто попытался вытеснить из моего сердца обиду и горечь предательства, и сам образ Виталика. Уже после Туниса, вернувшись в Москву, у нас случился роман, с его стороны бурный и пылкий, а с моей продуманный и методичный. В течение года я методично вдальблывала себе в голову, что люблю Игоря, что в том, чтобы позволять себя любить – нет ничего зазорного, и это даже весьма приятно, когда любят тебя. И Игорь оказался первым из череды моих кавалеров, ухажёров, поклонников, не знаю, какое правильное слово подобрать, что сдался и отошёл в сторону. Сам,

так и не дождавшись от меня положенных эмоций и чувств, которые можно было бы принять за любовь, за основу, на которой можно строить дальнейшую совместную жизнь. Какое-то время мы не общались, можно сказать, что потеряли друг друга из вида, он остался в Москве, а я переезжала из отеля в отель, с одного места работы на другое, пока Игорь не объявился совершенно неожиданно, и не предложил мне вернуться в «Amaks Luxury Hotels». Как оказалось, он за последние годы здорово поднялся по карьерной лестнице, его только-только назначили заместителем директора российского филиала, и он набирал свою команду.

– Мне нужны люди, на которых я могу положиться, – сказал он тогда. – Которые не боятся ответственности, и готовы работать. Томка, ты первая, о ком я подумал.

Как давно я не слышала этого лёгкого «Томка», и у меня заныло в груди. От воспоминаний и сомнений.

– Игорь, ты уверен, что это хорошая идея? – спросила я, сидя на балконе своего номера в турецком отеле, в котором жила уже полтора года, и, если честно, начала изнывать от скуки.

А Пастухов ответил с присущей ему уверенностью:

– Конечно. – И, видимо, осознав, что именно меня тревожит, добавил: – Если ты переживаешь из-за наших прошлых отношений, то не переживай. Я женатый человек. Уже два года как.

– Правда? – Я решила за него порадоваться. – Поздрав-

ляю.

– Да. И у меня сыну полтора года. Так что, к тебе я проявляю чисто профессиональный интерес.

– Тогда я подумаю.

– Подумай, – согласился он. Выдержал короткую паузу и поинтересовался: – А ты?

– Что я?

– Есть какие-нибудь новости, с которыми тебя стоит поздравить?

Я посмотрела вдаль, на стремительно темнеющее над горизонтом небо.

– Конечно, – ответила я. – Мне только что предложили хорошую работу.

– Понятно, – проговорил он в некотором смятении. После чего сказал: – Тогда я жду тебя в Москве через неделю.

– А потом?

– А потом в Испанию. Устраивает такое предложение?

– Более чем.

Вот так мы с Игорем начали работать вместе. Очень странно было увидеть его через несколько лет изменившимся, возмужавшим, холёным мужчиной с устроенной судьбой. У Игоря на лбу было написано, что он серьёзный, семейный человек, состоявшийся в профессии. А вот я, как огорошил Пастухов, совсем не изменилась.

– Всё та же девчонка, – посмеялся он. Видимо, это был комплимент. Я в ответ улыбнулась.

Игорь стал моим непосредственным начальником. Лично мы встречались нечасто, он жил в столице, я сначала за границей, потом в регионе, но созванивались и общались по видеосвязи едва ли не ежедневно. А вот разговоры на личные темы я не приветствовала. За него я была рада, на одном из мероприятий, еще пару лет назад, я познакомилась с его женой, очень милая девушка, москвичка при высшем образовании и интеллигентных родителях, о таком можно было только мечтать. И мальчишка у них замечательный, очень похожий на Игоря.

Пастухов выглядел счастливым. Я бы не смогла ему дать то, что он получил без меня. Наверняка, не смогла бы. Иногда пугала мысль, что и не смогу, никому.

– Раз уж решила почтить нас своим присутствием, – сказал мне Игорь, когда я разговаривала с ним по телефону, сидя в поезде и направляясь в столицу, – милости просим на общее совещание. Будут обсуждаться вопросы и по регионам тоже.

– В смысле, тоже?

Пастухов неожиданно вздохнул в трубку.

– Собирается Совет директоров. Естественно, обойдутся без нас...

– Что, и без тебя? – не удержалась я от подколки.

– И без меня, Тамара. Зачем я им нужен? У них свои разговоры, нас не касающиеся. Говорят, Меликян уходит на покой.

Информация была интересная. Я прекрасно помнила и даже была знакома с Борисом Меликяном, одним из старейших совладельцев нашей сети отелей. Нас познакомили на одном из торжественных событий, кажется, это был корпоратив по поводу грядущего Нового года, и я Бориса Марковича помнила, его невысокую крепкую фигуру, седовласую шевелюру и сильное, для восьмидесятилетнего мужчины, рукопожатие. Он говорил, как ему приятно со мной познакомиться, что он благодарит меня за старания во благо их сети, но я была уверена, что меня лично он позабыл уже через несколько минут. Таких, как я, к нему в тот вечер очередь стояла. И всем он жал руки и всем был благодарен за старательность.

– И кто будет вместо него?

– Пока неизвестно. Но поговаривают, что кто-то из наших. – Игорь вздохнул. – Хотелось бы. Иностранцы не слишком любят вкладываться в Россию, тем более в регионы. А у меня столько планов.

Все планы Пастухова в отношении российских регионов я всегда поддерживала и его за энтузиазм хвалила. Не хотелось бы, чтобы всё пошло прахом только из-за того, что высшее руководство примется делить сферы влияния.

– Так когда ты будешь в Москве? – деловито поинтересовался Игорь, перебив мои мысли о любимом руководстве.

– Уже еду. Через пару часов.

– Я пришлю за тобой машину. Или приеду сам, хочешь?

Иногда в голосе и замыслах Пастухова проскальзывали смущающие меня намёки, или намёки на какой-то неприличный, смущающий намёк, но я, уловив опасную волну, торопилась свести всё к шутке. И сейчас так поступила.

– Это не целесообразно, отвлекать такого большого начальника от важной работы. Не люблю, когда ты переэквалифицируешься в водителя. Спасибо, Игорюша, я такси возьму. К тому же, я не одна, а с сотрудниками.

Пастухов вздохнул напоказ. Повторил за мной эхом с лёгкой насмешкой:

– Она с сотрудниками... Ладно, жду тебя утром в главном офисе. Совещание в десять.

– Договорились.

– А вечером чем займёшься? Будешь сидеть одна в отеле?

– Обещаю развлекаться, – соврала я. И поспешила проститься: – Пока-пока.

– Тамара Евгеньевна, мы пойдём вечером развлекаться? – спросила меня молоденькая девушка, недавно принятая на работу на стойку информации. Она вместе с Любой сидела напротив меня и, как оказалось, наблюдала за мной во все глаза и слушала во все уши. Конечно, для работы в отеле добрая порция любопытства – вещь нужная, но нужно учиться своё любопытство контролировать, дозировать и вовремя себя останавливать, чтобы не нарваться на неприятности. Я даже отвечать ей не стала, лишь глянула выразительно, а вот Люба уже толкнула свою подчинённую локтем

в бок и зашипела на ту (считалось, что я не слышала, потому что уже уткнулась взглядом в экран смартфона):

– Ты с ума сошла? Кто тебя развлекаться поведёт? Тамара Евгеньевна? Может, ещё в номер к ней жить напросишься?

Я всеми силами прятала улыбку. После чего оповестила:

– Не забудьте, что день тренингов начинается в девять утра. Прошу никого не опаздывать.

– Тамара Евгеньевна, я за всем прослежу, не переживайте. Никто никуда не опоздает, – заверила меня Люба, а я кивнула, довольная её отзывчивостью.

Молодым девочкам, недавно пришедшим на работу в отель, я, наверное, не казалась серьёзным начальником. Я порой замечала, как на меня поглядывают. С какой-то за- таённой завистью и въедливостью. Наверняка, меня считали чьей-то протеей, а то и вовсе наложницей. До меня иногда доходили слухи о моих, якобы, московских любовниках, но я предпочитала не обращать на это внимания. Вот и сейчас, став невольным свидетелем моего разговора по телефону, меня теперь украдкой разглядывали, а мне оставалось только ругать себя за беспечность. Но при этом оставаться начальником и строгим руководителем.

Москва встретила нас дождём и солнцем сквозь тучи.

– Грибной, – не к месту сказала Люба, я лишь улыбнулась. Она вместе с девочками устроилась на заднем сидении такси, а я села вперёд.

– Тамара Евгеньевна, а у нас будет свободное время? По-

гулять можно будет?

– Можно, – отозвалась я. – Но осторожно. Чтобы к девяти утра завтрашнего дня все были на тренинге в прекрасном расположении духа и добром здравии. Договорились?

– Конечно!

Я тоже собиралась провести время в столице с пользой. Хотя бы, с пользой для отдыха и приятной смены обстановки. Заселившись в отель и, мысленно порадовавшись тому, что младших сотрудников селят в отдельном корпусе для персонала, так что я смогу побыть одна, без чужих наблюдательных глаз, я приняла душ, распаковала вещи, переоделась и тут же поторопилась из отеля исчезнуть. Позвонила паре приятельниц, но лишь одна из них согласилась встретиться вечером, чтобы посидеть в каком-нибудь милом, спокойном месте, за разговором и бокалом вина. Вторая оказалась в срочной командировке, и лишь повздыхала в трубку о том, что очень хотела бы встретиться, вот так, одними девочками, как мы любили делать во времена учёбы, а с возрастом времени на лёгкие посиделки катастрофически не хватает.

– Вернёшься из командировки, приезжай ко мне в гости. Хотя бы на пару дней, – предложила я.

Подружка лишь хмыкнула в трубку.

– А там тебе будет не до меня. Там ты на работе.

– Но не всегда же я работаю? – удивилась я, невольно призадумавшись.

В ответ услышала недоверчивый смешок.

– Да? – Мы обе расстроились, после чего было внесено предложение, как-нибудь обязательно совместить отпуски и втроём вырваться на какой-нибудь крутой курорт. Для полного релакса и отрыва.

Эти мысли и предложения звучали уже не первый раз и даже не один год, но, к сожалению, до сих пор так и оставались мечтами. Потому что совместить никак не удавалось. Я ехала в такси по направлению к любимому торговому центру и невесело раздумывала о том, что всё-таки что-то идёт в нашей женской доле не так. Я, Маринка и Наташка вместе учились, закончили один факультет. Мы с Маринкой были из «понаехавших», Маринка вовсе из какой-то сибирской глубинки, мне хоть ехать так далеко до Москвы не пришлось, всего пару-тройку часов с учётом пробок. А вот Наташка была москвичкой, но особой ценности прописка ей не несла. Всю жизнь она с родителями прожила на периферии, оттуда до центра было добираться куда дольше и проблематичнее, чем из моего родного города до Москвы. Мы все втроём были, в принципе, на равных условиях, на последних курсах снимали квартиру на троих, одновременно работали, и даже виделись чаще на лекциях в институте, чем дома. Может, из-за этого никогда не ругались, не скандалили и ничего между собой не делили. И после окончания института постарались сохранить отношения, не знаю уж, можно ли их назвать настоящей дружбой, раз виделись мы порой не чаще одного-двух раз в год. Но думала я сейчас не об этом.

А о том, что при нашей с ними занятости, у всех троих никак не складывалась личная жизнь. Мы вечно были в разъездах, вечно в командировках, больше думали об отелях, в которых работали, чем о мужчинах. Многокомнатные каменные коробки, которым нужно было придать привлекательный вид и заманить в них постояльцев всеми доступными путями, заменяли нам всех возможных принцев на белых конях. Мы строили карьеры, были вполне успешными женщинами, объехали каждая если не половину, то треть мира, встречались с людьми и получали похвалы от начальства за усердие. А вот женское счастье нас почему-то обходило стороной. Маринка, правда, вышла замуж сразу после института, я помню, как мы гуляли на её свадьбе, и старались с Наташкой поймать букет невесты, уверенные, что и наши замужества не за горами. Обязательно всё случится. Спустя пару лет Маринка без всякого сожаления развелась, и после этого над нами троими будто навис венец безбрачия. Встречаясь, мы обсуждали личную жизнь, поклонников и любовников, но с каждым годом скептицизма в наших рассказах становилось всё больше. Это удручало. Однажды Наташка во время работы в ОАЭ даже с арабским шейхом встречалась, по её рассказам, целых полгода, он даже замуж позвал, кольцо с огромным бриллиантом подарил, вот только ей надлежало стать третьей женой, и она не согласилась. Я бы тоже не согласилась, кстати. По мне, есть большая разница, в какой очереди стоять за женским счастьем. Ждать своё и род-

ное, либо третьей к постели мужа, пусть и осыпанной бриллиантами. Ещё более тоскливо, честное слово. Так хоть чувствуешь, что сама себе хозяйка.

Вот такие у меня были подружки. Виделись мы редко, но зато каждая встреча становилась радостным событием, в течение которого мы никак не могли наговориться, хотя созванивались по скайпу минимум раз неделю, стараясь не упускать друг друга из вида. Но видеозвонки – это всё равно не личное общение, кто поспорит?

И вот спустя несколько часов я сидела на удобном диванчике итальянского ресторана в центре Москвы, у моих ног несколько пакетов с логотипами известных брендов, я успела себя порадовать, в руках бокал красного вина, и слушала Маринку. Она с воодушевлением рассказывала мне об открытии нового эко-отеля в Подмоскowie. Подружку пригласили на работу управляющей, зарплату пообещали феноменальную, но и обязанностей навесили на неё столько, что впору было ещё и премию попросить. И Маринка лишь на один вечер приехала в Москву ради меня, но то и дело отвлекалась на официантов, на барменов, на интерьер, даже на салфетки на столе, которые были сложены, как ей казалось, несколько небрежно. Я, с тихой грустью, в её ажиотаже узнавала себя, у меня тоже случаются такие периоды, когда я принимаюсь за новый проект с нуля. Когда всё, вплоть до салфеток на столах, зависит от меня. В такие моменты очень легко ни о чём не думать, занятость и увлечённость перекрывают лю-

бую депрессию, лишь бы было, во что окунуться с головой, куда растратить все свои силы.

Я слушала подругу и одновременно разглядывала её. Марина не была признанной красавицей, но всегда привлекала к себе внимание яркостью и искрой во взгляде, своей живостью. Всё это и по сей день в ней сохранилось. Только она стала более зрелой, более уверенной в себе, знающей себе цену. Ухоженная, стильно одетая, знающая себе цену молодая женщина. Мужчины обращали на неё внимание, и я считала, что недостатка в поклонниках у Маринки быть не может. Его и не было. Вот только интересовалась Марина мужчинами во вторую очередь, на первом месте всегда была любимая работа. Как и у меня. И сейчас я смотрела на подружку, слушала её, понимая и поневоле заинтересовываясь её рассказами, и вдруг мне пришло в голову:

– Марин, нам по тридцать два года.

Маринка замолкла на полуслове, глянула на меня не то что непонимающе, а с какой-то настороженностью.

– И что?

Я сделала глоток вина, пожала плечами.

– Ничего. Просто иногда думаю: может, мы что-то делаем не так?

– Что мы делаем не так? – переспросила Марина с явным недовольством. – Не бегаем за мужиками и не вешаемся им на шею, в надежде, что замуж позовут?

– Знаешь, некоторые не бегают и не вешаются. И их зовут.

Может, у нас с лицом что-то не так?

Маринка возмущённо фыркнула.

– С моим лицом всё так. А с твоим не знаю. – Она прищурилась, рассматривая меня через стол. – Ты замуж захотела? Я там была, повторю для тебя ещё раз: ничего хорошего там нет.

– Дело не в том, что я захотела, – отказалась я. – Просто как-то неправильно жизнь проходит. Я знаю, что я сейчас выплачу кредит, могу даже через год ипотеку закрыть, если сильно постараюсь, соберусь и опять куда-нибудь уеду. А оттуда ещё куда-нибудь. Меня нигде ничего не держит, даже то, что у меня теперь вроде как есть свой дом, меня в нём ничего не держит. А мне уже за тридцать.

Марина вздохнула напоказ, осушила свой бокал, принялась за пасту. Ела с аппетитом. Потом кинула на меня проницательный взгляд.

– Что, у Виталика в гостях была?

От её обличающего тона стало не по себе, я даже поёрзала. Затем созналась:

– Была. Точнее, у родителей.

– Понятно. И у Виталика всё супер в жизни.

– Не всё. У него проблемы с работой.

– Но в остальном всё зашибись? – Кивнула, подтверждая свои слова. – Я так и думала. А для тебя его проблемы, и во-все не проблемы, потому что где и как заработать ты отлично знаешь.

– Но он же не хочет! – возмутилась я.

– Не хочет, – подтвердила Марина. И тут же на меня многозначительно зыркнула. – И пусть не хочет. Пусть загнётся в своих розовых очках. А ты как съездишь туда, на всю эту утопию посмотришь, сразу хандрить начинаешь. Кроме Виталика мужиков море, Томка. Ну и фиг бы с ним, что они для семейной жизни негодны. Иногда нужно побыть просто бабой. Не думать за Виталика, где ему заработать, и что ему нужно для этого сделать. – Маринка повела рукой вокруг и довольно громко сказала: – Вон сколько мужиков вокруг.

Я глаза вытаращила после её бестактности. Шикнула:

– Тише.

– А что? Я же их мужиками назвала, а не как-то по-другому. Вон тот, кстати, на тебя уже час таращится.

Я машинально повернула голову, отыскивала взглядом предлагаемый подружкой объект для обсуждения. За большим столом у стены, в довольно обширной компании, в основном мужской, на самом деле, сидел мужчина, и, когда я повернула голову, мы невольно столкнулись взглядами. Годам к сорока, темноволосый, с тяжёлым взглядом из-под чёрных бровей, весьма характерная линия переносицы, прямая и с горбинкой, присущая кавказским чертам лица. Но на истинного кавказца мужчина не походил, наверное, потому, что казался излишне спокойным, даже холодным. Но он, без всякого сомнения, меня разглядывал. Точнее, кидал оценивающие взгляды поверх бокала с коньяком. Муж-

чины порой любят посмотреть, поиграть в «гляделки», как Наташка говорила. В большинстве случаев, дальше ничего не происходит, многие категории мужчин удовлетворяются молчаливым флиртом на расстоянии, это тоже поднимает их самооценку, когда женщина начинает отвечать им взаимностью, проявляет заинтересованность. Некоторые намеренно заводят женщину возможностью свести дальнейшее знакомство, а потом просто уходят. Особенно женатые мужчины этим грешат, не осмеливаясь на большее или не желая напрягаться попусту. Поэтому я подобную игру не уважала, да и времени у меня на неё не было. И сейчас я проявила любопытство, взглянула на мужчину и тут же отвернулась. Взяла бокал с вином, сделала пару глотков, а Маринке сообщила расслабленным тоном:

- Наверняка, женат, наверняка, в поиске приключений.
- А ты не хочешь приключений?
- А ты хочешь? Не в нашем возрасте за приключениями гнаться, тебе не кажется?
- Том, я иногда тебя ненавижу. Ты как скажешь, так хоть не живи на свете. Я ещё в нормальном возрасте, вполне себе молодом.
- Ладно, я пошутила, – подобрела я. – Ты красавица.
- Знаю. А мужик всё равно на тебя пялится.
- Пусть пялится, – отмахнулась я.
- Не понравился?
- Я не грешу случайными знакомствами, ты же знаешь.

Мало ли кто пялится.

– Кто знает. Дорогой ресторан, приличный мужик, галстук вон шелковый, я даже отсюда вижу, итальянский, наверное, осанка барская...

– Взгляд наглый, – подсказала я.

– Чем чёрт не шутит, – закончила Марина с лукавой улыбкой и подняла свой бокал. Предложила: – Давай выпьем.

– За что? За дьявольские замыслы?

– И за это грех не выпить. Всё же приятно хоть в чьих-то замыслах участвовать.

Мы чокнулись, выпили вина и рассмеялись друг над другом и этим разговором.

– Всё-таки здорово иногда вот так увидеться, посидеть, поболтать...

– Да, жалко Наташки нет. В отрыв пойдём? – Маринка мне откровенно подмигнула. «Уйти в отрыв» означало для нас отправиться танцевать на всю ночь и постараться не думать о работе, как можно дольше. После её предложения я печально вздохнула.

– Я бы с удовольствием, но никак. Завтра утром мне нужно быть на важном совещании, Совет директоров встречается. Будут о чём-то договариваться.

– И тебя пригласили? Ого. Поздравляю.

Я насмешливо скривилась.

– Пригласили, конечно же. Меня пригласили на встречу региональных руководителей. Посидеть вместе со всеми, по-

держаться за руки, в надежде, что какие-нибудь статьи расходов не сократят, и, по крайней мере, мой отель останется с тем же финансированием, что и раньше.

– Понятно. Надеемся и верим.

– Ну да.

– Я, кстати, тоже с утра занята. Только вспомнила, что у меня назначена встреча с подрядчиками. Хотим привести в порядок соседний участок, обустроить там теннисные корты. Или поле для гольфа, как думаешь? – Маринка сверкнула на меня глазами.

Я скептически хмыкнула.

– А кто у нас играет в гольф?

– А вдруг начнут?

– Ага. Вдруг.

Мы с Маринкой допили вино, доели заказанные горячие блюда, и заказали десерт. Такие встречи, дружеские посиделки случались довольно редко, и мы каждый раз старались насладиться вечером по полной. Особенно, если не получалось пойти танцевать, то позволяли себе всякие вкусности и излишества. Помнится, только однажды насладиться не удалось, когда Наташка заманила нас в закрытый китайский ресторан, и мы с Маринкой большую часть вечера пытались с тревогой разглядеть и понять, что же перед нами в тарелке лежит. Азиатская кухня – это, явно, не наша с ней тема.

Время от времени я всё же кидала быстрый взгляд в сторону, из банального любопытства, честно. Мужчина так же,

как и мы, не торопился покидать ресторан, сидел за столиком, общался, и, как мне показалось, его интерес ко мне иссяк. Только однажды я не вовремя повернула голову, и мы снова столкнулись взглядами. Мне в последний момент хватило ума не отворачиваться от него в спешке и смятении, оказавшись пойманной за наблюдением за ним. Я встретила его взгляд, хотя меня от неожиданности будто обожгло, после чего я обратила своё внимание на картину на стене за его спиной. Потом ещё на что-то. И, в конце концов, смогла вернуть своё внимание подруге. На лице невозмутимое выражение, настолько, что даже Маринке не пришло в голову меня в чём-то заподозрить. К тому же та уже разговаривала по телефону, обсуждала с кем-то перспективу обустройства поля для гольфа, мне делала всяческие знаки и строила рожицы, в попытке извиниться. Я, в конце концов, махнула рукой и из-за стола поднялась, решив прогуляться.

Из ресторанного зала был выход на небольшую открытую веранду, правда, особого покоя и тишины на ней не было, внизу шумел проспект с большим потоком автомобилей. В годы студенчества, живя в Москве, я в какой-то момент перестала замечать шум и суету, привыкла, а сейчас мне снова стал казаться сумасшествием столичный темп жизни. Я смотрела вниз на автомобили, как на нечто чуждое, хотя, Москву любила, городская суета и многолюдность это чувство во мне не убили. Есть в Москве места, старые улочки, парки и скверы, в которых было тихо и зелено, и я любила

там гулять. Когда-то. Некоторые из этих укромных мест мне, в своё время, показал Виталик. Мне показал, а сам забыл. Когда он был в последний раз в Москве? Наверное, и сам не помнит.

Я едва расслышала шаги за своей спиной и от неожиданности вдруг испугалась, обернулась и, к своему удивлению, увидела того самого мужчину. Он остановился неподалёку, стоял, сунув руки в карманы брюк, и меня разглядывал. Я нахмурилась. Терпеть не могу, когда ко мне со спины подкрадываются, да ещё и разглядывать начинают совершенно нахально.

Он, наверное, заметил моё недовольство. Примирительным тоном проговорил:

– Мне знакомо ваше лицо. Весь вечер к вам присматриваюсь, а вспомнить не могу.

Я невольно пригляделась к нему. После чего сказала:

– Мне ваше незнакомо. Так что, вряд ли мы с вами где-то встречались.

Мужчина усмехнулся.

– У вас такая хорошая память на лица?

– Да, – не стала я отказываться.

– Везёт. А я порой мучаюсь, вспоминаю. Меня зовут Марк.

Ни одного Марка я не знала совершенно точно. Я молча смотрела на него, точнее, если честно, то разглядывала, проявляя неподдельное любопытство, только надеялась, что

по моему лицу и взгляду нельзя это прочесть. У него было довольно приятное лицо. По крайней мере, в те моменты, когда он улыбался. Когда хотел быть приятным. А вот взгляд очень внимательный, иногда буравящий, будто он пытался влезть в мою голову и узнать, о чём я думаю. И тот факт, что в этот момент я думала о нём, меня немного смущал. При всей его внешней притягательности (про привлекательность рассуждать не будем, не люблю смазливых, симпатичных мужчин, особенно, когда они сами свою привлекательность всеми силами напоказ выставляют), он не казался мне белым и пушистым зайчиком, которому следовало доверять и даже улыбаться в ответ лучше не торопиться.

– Не поделитесь со мной секретом? – задал он вопрос, когда моё молчание затянулось.

Я удивлённо взглянула.

– Каким? Я ни одного секрета не знаю.

Марк улыбнулся.

– Своим именем.

– Ах, имя... – Я на одно мгновение задержала дыхание, после чего зачем-то соврала: – Наташа.

– Очень приятно. Вы красивая девушка, Наташа.

Я понимающе улыбнулась, отвела глаза от его лица.

– За этим всё и было? Чтобы сказать, что я симпатичная?

– То есть?

– Банальность в стиле: «Мне знакомо ваше лицо».

– Избито, да?

– Весьма.

Он хохотнул. Причём звук вышел гортанным и волнуящим. Затем сделал шаг, я внутренне напряглась, но Марк подошёл к балюстраде и остановился также на отдалении пары шагов от меня. Не приближался и моё личное пространство не нарушал.

– Но это было искренне. Уверен, что где-то видел твоё лицо.

Вот мы и перешли на «ты». Быстро, ловко, но не слишком находчиво опять же.

Я равнодушно пожала плечами.

– Всё возможно.

– Москва – город большой, но в огромных городах случайные встречи происходят куда чаще. Ты москвичка?

Я решила его порадовать и для этого широко и немного придурковато улыбнулась.

– Нет. Я из понаехавших.

Марк неожиданно засмеялся.

– Представляешь, я тоже.

Если честно, мне было всё равно. Я не собиралась продолжать наше краткое знакомство.

– Мне нужно вернуться к столу, меня подруга ждёт, – сообщила я. А Марку на прощание вежливо улыбнулась. – Было приятно поболтать.

Он наблюдал за мной с усмешкой. С такой задумчивой усмешкой, будто что-то во мне увидел, я не понимала что,

и из-за этого можно было разозлиться. Когда незнакомый человек так на тебя сморит, начинаешь задумываться о том, что не слишком хорошо контролируешь свои эмоции и выражение лица.

Я не удержалась и коротко переспросила:

– Что?

– У тебя красивая улыбка. Когда ты улыбаешься искренне. Я наблюдал за тобой последние пару часов. А мне ты улыбаешься не так. Я тебе совсем не нравлюсь?

– А вы должны мне нравиться? – удивилась я. – Я вас не знаю.

– Так и не узнаешь, если уйдёшь, пофыркав.

– Пофыркав? – повторила я за ним странное определение.

– А как это у вас, у женщин, называется? Фыркнула, развернулась и полетела. Куда-то, сломя голову.

– Попахивает женоненавистничеством, – заметила я.

– Да нет, женщин я люблю. Но не всегда понимаю.

– Думаю, это к лучшему.

– А женщины понимают мужчин? Уверен, вы считаете нас предсказуемыми.

– А временами и скучными, – согласилась я, и вновь за-собиралась уходить. – Всего доброго.

– Я скучный? – спросил Марк, когда я уже повернулась к нему спиной и направилась прочь. Пришлось обернуться. Может, не стоило этого делать, но мне показалось невежливым просто удалиться.

– Я не знаю, – сказала я. – Мы с вами незнакомы.

– Так давай познакомимся. Я стараюсь тебе понравиться, если ты не заметила. Пытаюсь заинтересовать. А ты уходишь.

– А вам не приходило в голову, что я могу быть замужем, или, по крайней мере, не одинока?

– Чтобы это узнать, нужно поговорить, пообщаться. А ты сбегает. Так ты замужем? Расскажи мне о муже. Должен же я знать, кому так повезло. И желательно расскажи, где вы познакомились. Где люди, вообще, знакомятся? Помимо клубов и ресторанов?

– Где угодно, – порадовала я его. – Могу предложить вам выйти на улицу.

– На какую?

Я указала рукой вниз, за балюстраду.

– Не поверите, но внизу, по улице, ходят девушки и женщины, красивые и приятные в общении, большинство из них не избалованны дорогами ресторанами и отдыхом на яхтах.

– А с чего ты взяла, что у меня есть яхта?

– Вы производите впечатление человека, который может её себе позволить.

Марк заинтересованно хмыкнул, даже подтянул узел галстука, видимо, в желании соответствовать моему мнению о нём. А я невольно обратила внимание на его безымянный палец. Кольца на нём не было.

– Может быть. – Он улыбнулся. – По крайней мере, при-

ятно, что я произвожу такое впечатление. Но ты мне так и не сказала: ты замужем?

– А какая разница? Я в Москве на пару дней, затем вернусь в свою глубокую провинцию, и мы с вами, наверняка, больше не встретимся.

– Нет у тебя никакого мужа, – сказал он. – Если бы он был, вряд ли бы отпустил тебя в Москву одну. Я бы не отпустил.

– Не все мужчины агрессивные собственники.

Марк моргнул после моих слов, после чего захохотал. Выглядел довольным.

Качнул головой, отсмеявшись.

– Так меня ещё никто не припечатывал.

– Рада, что повеселила. Но мне нужно идти.

Я почти не удивилась, когда Марк направился следом за мной к дверям в ресторанный зал. Даже пояснил своё преследование:

– Что мне делать там одному?

Отвечать я не стала, он шёл за мной след в след, и я прекрасно чувствовала его взгляд, направленный мне в спину. Марк меня разглядывал, явно, без всякой скромности, видеть-то я его в этот момент не могла. Зато чувствовала, и было здорово не по себе. За такие взгляды, между прочим, когда-то на дуэль вызывали.

За дверями я едва не натолкнулась на Маринку. Она увидела меня и развела руками. Начала:

– Я уже отправила тебя искать!.. – Потом увидела Мар-

ка за моей спиной и на мгновение примолкла, после чего принялась по-дурацки улыбаться. – А ты развлекаешься, как посмотрю.

– С чего ты взяла, что я развлекаюсь?

– Ваша подруга никак не хочет со мной знакомиться, – вроде как пожаловался Марк, останавливаясь рядом с нами. – Скажите хоть вы мне: Наташа замужем?

– Наташа? – переспросила Маринка, непонимающе моргнула, после чего перевела на меня ошарашенный взгляд. Я по её не совсем трезвому взгляду видела, как в ней просыпается искра понимания, и на Маринкином лице начинает расползаться дурацкая улыбка. – Наташа, нет, не замужем. И что бы она ни говорила – всё придумывает.

– Это что это я, интересно, придумываю? – попробовала я обидеться.

– Свою занятость и нежелание знакомиться. – Маринка вдруг шагнула ко мне, приподнялась на цыпочки и поцеловала меня в щёку. И тут же затараторила: – Всё, дорогая, мне надо бежать, мне завтра на работу, а вот тебе не помешает отдохнуть. За ужин я расплатилась, сумку с телефоном забрала, а ты не забудь покупки. Твои пакеты под столом. – Я ошалело тарашилась на неё, а Маринка крутанулась на высоких каблуках, повернулась к Марку. Поинтересовалась: – Как вас зовут?

– Марк.

– Очень приятно, Марк, – заверила она. – Доверяю вам

свою подругу, уверена, что у вас получится её развлечь. Ведь получится?

Марк понимающе усмехнулся.

– Я очень постараюсь.

– Вот и отлично. Пока-пока. – Маринка обернулась и неожиданно погрозила мне пальцем. – Наташа.

Я смотрела ей вслед в полном замешательстве, после чего проговорила, пытаясь донести до подруги суровую правду:

– Ты оставляешь меня на попечение совершенно незнакомого человека!

– Всё будет хорошо, – успокоила она меня от дверей, – у него хорошие глаза!

– Ты слышала? У меня глаза хорошие. – Марк на закрывшиеся за Маринкой двери не смотрел, он смотрел на меня. И улыбался.

– Вы всерьёз считаете, что я отправлюсь с вами куда-то в ночь? С незнакомым человеком?

– Иногда нужно быть смелой, – сказал Марк. – И доверять судьбе. Вдруг я твоя судьба?

– Очень в этом сомневаюсь, – проговорила я, наблюдая за тем, как он направляется к нашему с Маринкой столу, чтобы забрать мои пакеты с покупками.

– Столичный шопинг? – усмехнулся он, возвращаясь.

– Я бываю в Москве очень редко, – намеренно сообщила я ему, не зная, чем ещё охладить его пыл. Ради этого и поинтересовалась: – А вам не надо вернуться за стол? К друзьям?

– Во-первых, это не друзья, это был деловой ужин, и он, слава богу, закончился. А, во-вторых, перестань говорить мне «вы». – Он подал мне мою же сумку. Глянул с призывом. – Прогуляемся?

Ещё вчера, да и сегодня утром, моё настроение было на нуле. Я и в Москву-то отправилась с единственной целью – сменить обстановку и на что-нибудь отвлечься. Отвлечься предполагалось на магазины, покупки и немного на работу, поприсутствовать на паре совещаний и тренингов. Не слишком всё это весёлые занятия, но другого приключения я себе на ближайшие дни придумать не смогла. А сейчас передо мной мужчина, довольно симпатичный и уж точно настойчивый, прёт напролом, как говорила моя бабушка, в желании настроение мне поднять. На маньяка, вроде, не похож... Хотя, что я знаю о маньяках? Но я так давно ни с кем не знакочилась, так давно не позволяла себе никаких сумасбродств, не рисковала и по-настоящему не веселилась, так может, пришло время? Один вечер, а после я вернусь в свою обычную жизнь.

К тому же, сумасбродничать собралась вовсе и не я, а Наташка. Этот факт и вовсе снимает с меня всякие обязательства, разве нет?

Марк распахнул передо мной двери ресторанный зала, смотрел с ожиданием, и я мысленно махнула рукой на все предостережения разума и решила довериться интуиции. Что такого, если я погуляю с мужчиной? Надо сказать, что

с того времени, как я вернулась в родной город, никаких серьёзных отношений, даже романов, у меня не случилось. Я вернулась под гнет воспоминаний, и мне никак не удавалось жить своей жизнью. Получалось так, что в моей жизни была только работа и перспектива быстрее выплаты ипотечного долга. Будто я подсознательно мечтала вырваться из-под гнёта. И временами меня мучил вопрос: для чего я купила квартиру в родном городе? Чтобы быть поближе к семье и продолжать изводить себя мыслями о собственном несовершенстве и вспоминать несбывшиеся мечты? Можно было купить квартиру в Москве, или в любом другом городе, и жить своей отдельной жизнью. Но я, видимо, по натуре твердолобый мазохист. Я люблю страдать и мучиться, и все свои мучения собирать в кучку день за днём.

Кучка набралась большая, и я устала вставать на цыпочки, чтобы выглянуть из-за неё в попытке увидеть другой мир. Поэтому сейчас я мысленно махнула рукой и отправилась следом за Марком.

Если, конечно, его зовут Марк. Я-то соврала.

Но вряд ли бы мужчина, решив придумать себе имя на один вечер, додумался бы до имени Марк. Явно удостоил бы новую знакомую какой-нибудь банальности.

Несмотря на то, что Марк говорил о том, что он из «понаехавших», таких же, как и я, автомобиль его имел номера столичного региона. Чёрный, глянцевый «порше» внушительного размера приветливо мигнул фарами при приближе-

нии хозяина, мои пакеты были аккуратно сложены на заднее сидение, а для меня призывно распахнута передняя дверь. Марк, в дорогом костюме, с расслабленным узлом шёлкового галстука, источающий запах дорогого острого одеколона, смотрел на меня насмешливым взглядом. Но улыбался вполне искренне и тепло.

– Так как ты в столице гостя, беру на себя смелость устроить тебе небольшую экскурсию.

– По главным достопримечательностям столицы? – невольно усмехнулась я. Приняла его помощь, точнее, руку, чтобы подняться в высокий салон автомобиля и устроиться на кожаном сидении. В салоне «порше» пахло дорогим одеколоном владельца и натуральной кожей. Да, это тебе не средний класс. Я окинула быстрым, изучающим взглядом салон. Если честно, пыталась высмотреть всякие странности. Но ведь у маньяков не бывает столько денег, да? Они слишком заняты своими маньячными делами, на бизнес времени не хватает.

Но всё равно тревожно. Я отправляюсь в ночь с незнакомым мужчиной на тёмном внедорожнике. Надеюсь, Маринке икается, и всю ночь икаться будет.

Марк обошёл автомобиль, сел на водительское место, повернулся ко мне.

– Ты против?

– Я прожила в Москве несколько лет, когда училась. Все проходные тропы знаю.

– Но это же совсем неважно. Я тоже знаю, был и видел. Но с новым человеком всё будто в первый раз. Махнём на Поклонную гору? Посмотрим на фонтаны.

Вполне невинное приглашение и предложение. Почему бы и не съездить на Поклонную гору? Я так давно не гуляла по Москве.

Я согласно кивнула.

– Ты меня ни о чём не спрашиваешь, – сказал Марк. – Обычно женщины любопытны.

Я смотрела в окно, а не на него. Пожала плечами.

– Не вижу необходимости. Мы вряд ли ещё увидимся.

– Почему ты так в этом уверена?

– Потому что я через день уеду.

Марк качнул головой.

– Думаю, дело не в этом. Ты просто не хочешь продолжать знакомство. Видимо, для этого есть какие-то причины.

Я повернула голову, взглянула на него. Решила расставить все точки на свои места.

– А ты хочешь продолжить знакомство? – Я даже на «ты» с ним перешла, как он и просил. – Давай не будем лукавить. В конце концов, мы оба взрослые люди. Или ты думаешь, что я поверю, будто в дорогом ресторане Москвы мне по случайности повстречался принц? Свободный, красивый, обеспеченный? Готовый просто так возить меня по пробкам, любоваться на фонтаны? Сидел и ждал меня там.

Марк в ответ на мои слова понимающе усмехнулся, а я

после его усмешки кивнула, соглашаясь с его скептицизмом.

– Вот-вот. У тебя был деловой ужин, я привлекла твоё внимание, и вот мы в твоей машине куда-то едем. Так давай не будем портить всё лишними вопросами и разговорами. Проведём этот вечер так, как захочется, а утром без сожаления расстанемся.

Марк молчал, посмеивался уголком губ, было понятно, что раздумывает над моими словами. Затем кинул на меня быстрый взгляд.

– А если ты, на самом деле, мне понравилась?

– Я очень этому рада. Но «п понравилась» – это не повод изливать друг другу душу и строить планы на жизнь, разве не так?

– Ты очень прямолинейная женщина, Наташа.

Я тихонько вздохнула.

– Просто всё это уже в моей жизни было. И в твоей, уверена, тоже.

– Предлагаешь получить удовольствие?

От всего этого пахло какой-то безысходностью и отчаянием, но в ответ на его вопрос я кивнула.

– Да.

– Что ж. Будет так, как ты хочешь.

ГЛАВА 5

Наверное, я сошла с ума. А ведь искренне считала, что я не способна на подобные безумства. Провести ночь с мужчиной после нескольких часов знакомства...

Но всё случилось будто само собой. После объяснений по поводу того, что два взрослых человека ничего друг другу не должны, и ничего их в дальнейшем не свяжет, так как завтра каждый окунётся в свою привычную жизнь, стало вдруг проще. Мне, на самом деле, понравился вечер, понравилось то, что не нужно притворяться и стараться понравиться, понравилось гулять между фонтанами и разговаривать ни о чём. Все темы наших разговоров с Марком не касались ни личной жизни, ни работы, ни каких-то проблем. Я ненадолго забыла об ужасных, тяжёлых выходных в родительском доме, о пустоте в Виталькином взгляде, когда я пыталась его образумить, пыталась напомнить о том, что когда-то он хотел большего, огромного, интересного. А, в итоге, оказался на даче моих родителей, успокоенный семейной жизнью и ставшим бесконечным безденежьем. Наверное, мне не понять. Наверное, мне так не полюбить...

А Марк говорил о Москве, говорил об Америке, где жил ещё со студенческих лет и лишь несколько месяцев назад вернулся в Россию. Говорил без личных подробностей, просто рассказывал что-то интересное и смешное. Мы обсужда-

ли книги, кино, кошек и собак, любовь к морю и яблочным пирогам. Так куда проще общаться, зная, что завтра или даже сегодня, возможно, через пару минут, вы расстанетесь навсегда, не приходится следить за словами и пытаться быть лучше, чем ты есть на самом деле. Мне, честно, было совершенно наплевать, что он обо мне подумает. Я ходила босиком по парапету фонтана, а Марк держал меня за руку и смеялся вместе со мной. Почему-то мне казалось, что он тоже не такой лёгкий и простой человек, каким показался мне вчера вечером. В машине остался его пиджак, итальянский галстук, он закатал рукава белоснежной рубашки, и выглядел расслабленным. Он выглядел человеком, который очень давно не отдыхал. И улыбался соответственно, как-то по-детски, довольно, но с тенью усталости.

Правда, Маринка мне позвонила, узнать, всё ли у меня в порядке, а я кричала ей в трубку, что она плохая, но очень хорошая подруга, и что я в шаге от того, чтобы искупаться в фонтане. К тому же, у меня есть во что переодеться. Я ведь полдня потратила на покупки новых нарядов. Вот и наряжусь!

– Делай, что хочешь, развлекайся, – благосклонно разрешила мне Маринка, но предупредила: – Правда, за купание в фонтане пятнадцать суток дают, а ты таким свободным временем не располагаешь. А если располагаешь, лучше съезди на море, отдохни. На фига тебе фонтан?

В фонтан я не полезла, Марк помог мне спуститься на зем-

лю, подхватив на руки. А потом мы ели сахарную вату и прятались за ровно подстриженными кустами, как подростки, чтобы тайком покурить. Я не курила несколько лет, но это было настолько смешно, настолько безобразно и оттого притягательно, что отказаться я не могла.

– Хочу есть, – в какой-то момент сказал Марк, и мы отправились в ресторан фаст-фуда неподалёку, потому что со своими грязными ступнями после прогулок по фонтанам, я отказалась посещать приличный ресторан. Да и время близилось к полуночи, на сидение за столами в ожидании заказа, не было никакого настроения. И мы ели гамбургеры и картошку, я тянула через трубочку густой молочный коктейль с ванильным вкусом, и чувствовала себя безумно лёгкой и счастливой. Мы снова болтали, толкались ногами под столом, а Марк слизывал соус с пальцев и тоже смеялся. У него был очень красивый смех. И глаза в этот момент невероятно лучились.

Я не знаю, что меня сподвигло поехать с ним в гостиницу. Мы ни слова об этом не говорили, не последовало ни одного предложения, он не повёз меня к себе домой. Автомобиль свернул на стоянку одной из гостиниц, Марк молча вышел из машины, даже не взглянув на меня, а я, чувствуя головокружение от круговорота событий и эмоций в этот вечер, тоже открыла дверь и вышла следом за ним.

Никогда со мной такого не было. Небольшой номер незнакомого отеля, практически незнакомый мужчина, его запах,

его руки, горячие губы на моей коже. Всё случилось само собой. Тело горело и пылало, я хотела его. Этого мужчину, его прикосновений, и мы занимались сексом, а совсем не любовью. Он был настойчивым, сильным, и деликатности не было ни в одном его движении. А моё тело будто плавилось в его руках. Я никогда не была безумна, и вдруг сошла с ума в один вечер. Даже страшно, вдруг я уже не смогу стать прежней? Проснусь утром с желанием продолжать веселиться, с полным отсутствием интереса к своей прежней жизни, тоскливой, наполненной пустыми переживаниями? И никто не возьмёт меня за руку, когда мне придёт в голову побродить по краю фонтана.

Мне понравилось целоваться с ним. Поцелуи были какие-то неспешные, упоительные, я прерывала их лишь для того, чтобы вздохнуть и застонать. А Марк смеялся мне в губы, и продолжал целовать, дразнить, а я закрывала глаза и будто раскачивалась на приятных волнах, чувствуя, как моё тело наполняется приятной тяжестью, которая нарастает и нарастает, будто перед взрывом. Пальцы сжимались, ногти впивались в его кожу, он был горячий и сильный. Самое лучшее ощущение в жизни женщины – чувствовать эту силу. Кому-то не доводится почувствовать её никогда, просто рядом оказывается не тот мужчина.

Потом мы ещё о чём-то говорили с Марком, негромко, почти шептали, допили вино, и я уснула. А проснулась, как от толчка. Открыла глаза и в совершенном замешательстве

взглянула на мир. Не совсем понимая, а точнее, не доверяя собственным воспоминаниям о том, на что оказалась способна. Но как бы не доверяла, проснулась я в гостиничном номере, достаточно стандартном, на неудобной постели, а за моей спиной спал мужчина. Я слышала его дыхание, чувствовала его руку на своём бедре, ощущала тепло его тела своей спиной, и от всего этого у меня по коже поползли мурашки. Как я докатилась до такого? Переспать с первым встречным в гостинице, которая нам первой на пути попала?

Оставалось только зажмуриться и понадеяться, что моя глупость и безумие пройдёт для меня без всяких последствий. А пока стоило вспомнить о времени. Я лежала, стараясь не шевелиться, боясь, что Марк проснётся, и тогда мне придётся на него смотреть, о чём-то с ним говорить, а мне, если честно, хотелось раствориться в пространстве, просто исчезнуть из этого злополучного номера, чтобы этого утра не было. На тумбочке рядом с кроватью лежали наручные часы Марка. Солидные, на металлическом браслете. Я аккуратно высунула руку из-под одеяла, дотянулась до них, взглянула циферблат. И вот тут меня будто толкнули во второй раз. И сразу стало не до стеснения и не до аккуратности. Я едва ли не кинула часы обратно, откинула одеяло и поторопилась встать. Марк, конечно же, зашевелился за моей спиной, потревоженный моей активностью, вздохнул, и, кажется, открыл глаза. Но мне было не до него. Я лихорадочно

оглядывала комнату, в поисках своих вещей. Нижнее бельё почему-то нашлось на кресле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.